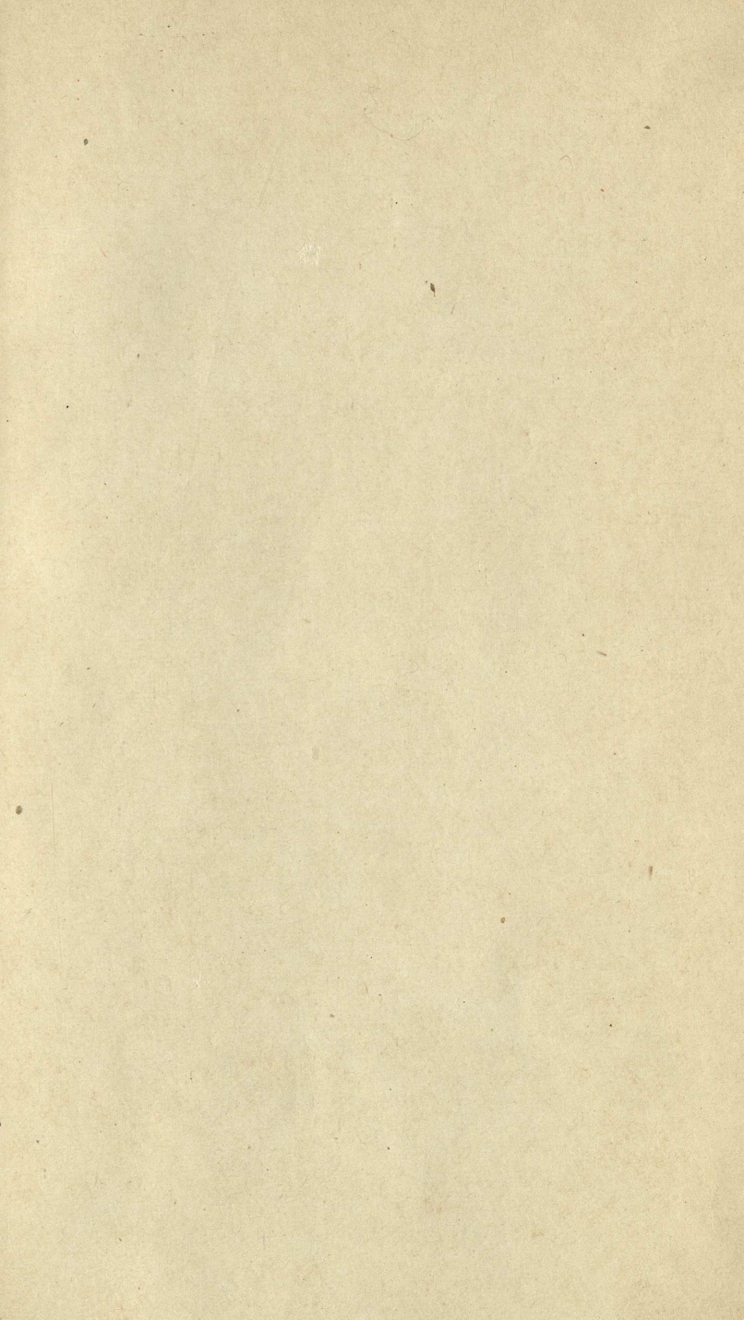
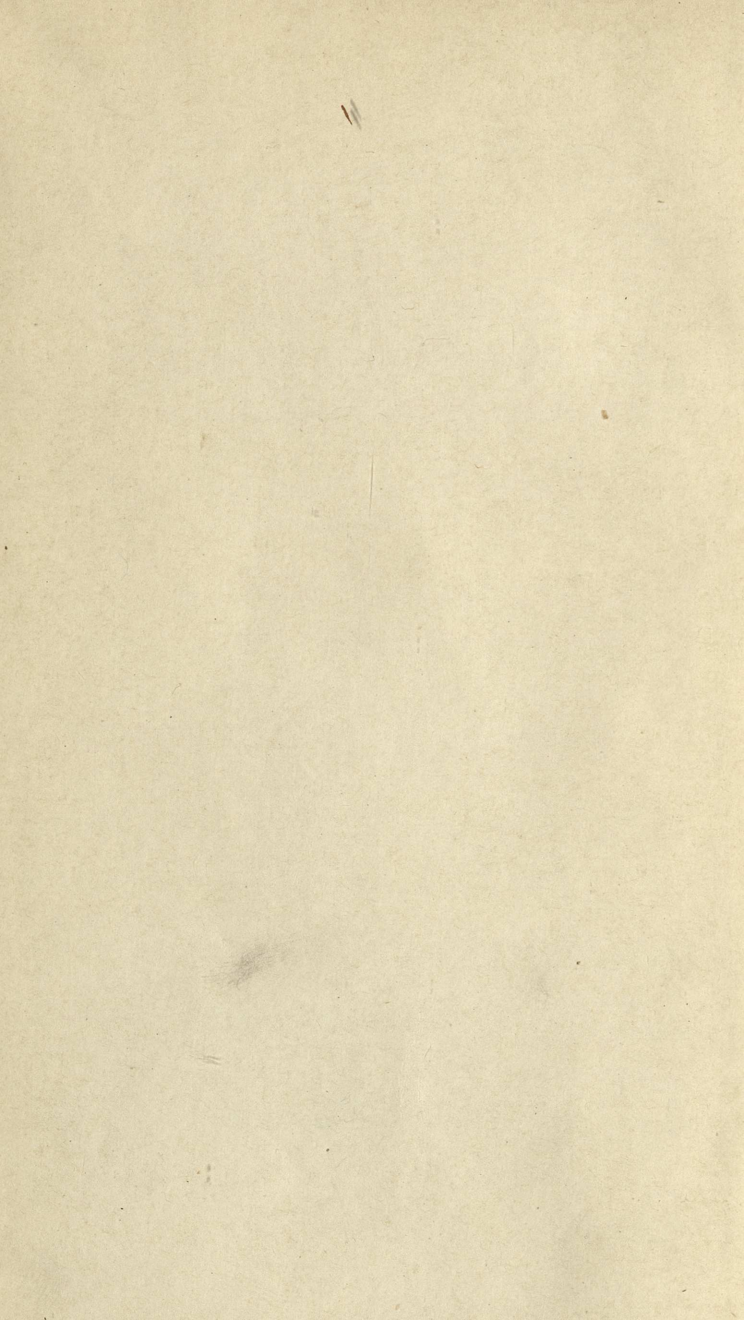

138
3021

СОКРАЩЕННОСТИ

достопамятныхъ произшествій,

Изъ сочиненія Господина д' Арно; названнаго имъ:

ЧТЕНІЕ ПО СЕРДЦУ ЧЕЛОВѢКА ЧУВСТВИТЕЛЬНАГО,

Изданнаго въ 1786, по соблагоизволенію Королевскому.

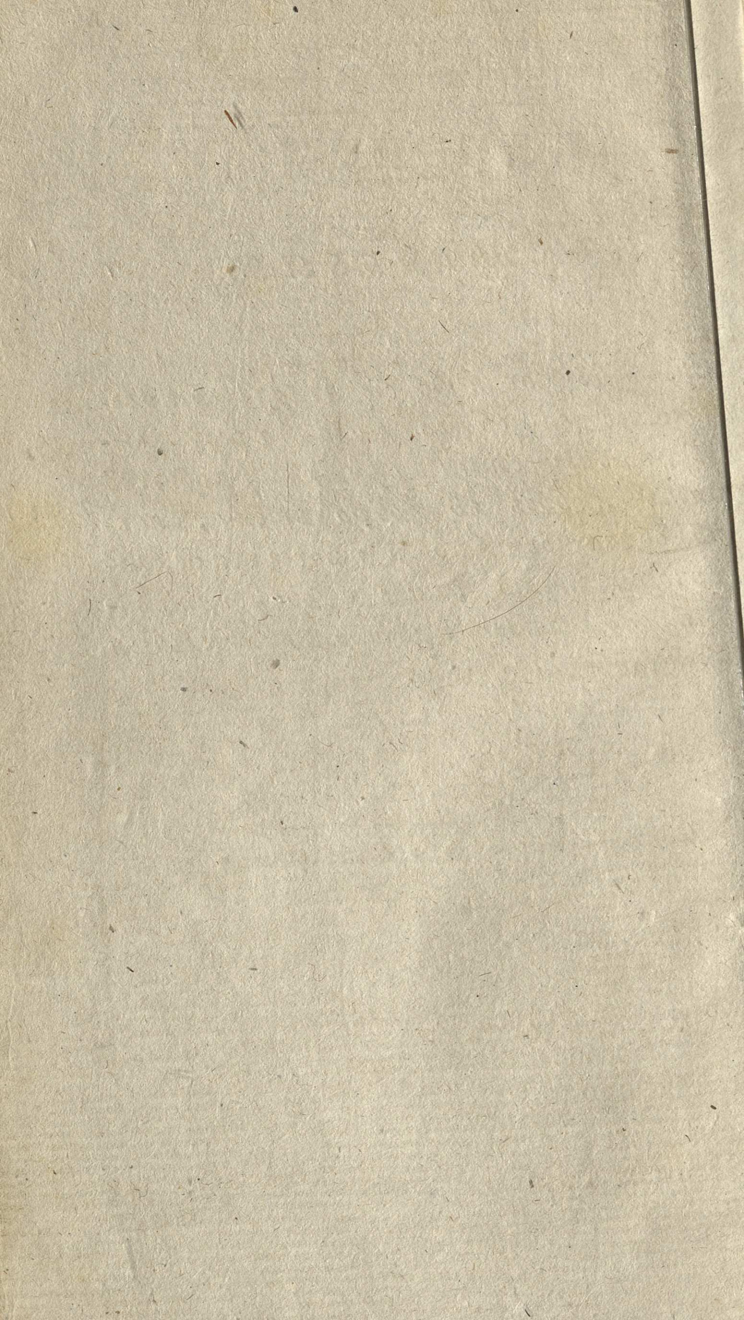
На Рускомъ языкѣ выходить оныя будутъ, начиная мѣсяцомъ Апрѣлемъ 794, не большими книжками ежемѣсячно.

МОСКВА,
въ Сенатской Типографіи у В. Окорокова.
1794 года.

Съ одобренія опредѣленныхъ цензоровъ.

Къ Читателю.

Творецъ сочиненіе сіе издалъ въ пользу юношества обоего пола, чрезъ выборъ произшествій самыхъ удобныхъ вперять любовь къ добродѣтели, личнымъ обязанностямъ и прочее: предлагая оному тѣмъ самое удобопонятнѣйшее преподаваніе правилъ дѣятельныя нравственности.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Мужъ

Стран.

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

ЭЛЬФРЕДЪ, или АЛФРЕДЪ Великїй.

Алфредъ Великїй, Царь Англїи, поколѣнїя Саксонскаго, по справедливости почти обожаемъ былъ подданными своими; ибо владычествовалъ надъ сердцами ихъ.

Нѣкогда обтекалъ области свои, бывъ сопутствуемъ отъ Этельберта, изъ гнавнѣйшихъ его чиновниковъ. Д нь начиналъ клониться къ вечеру; рѣшился просить страннопрїимства у одного изъ придворныхъ своихъ, обитавшаго на пути его. Послѣднїй именовался Альбаньякъ: мужъ, возмогшїй не развратить праводушїе посредѣ соблазновъ знатности и богатствъ; участвовалъ онъ Алфреду въ безчисленныхъ сраженїяхъ съ непрїятелями отечества, напослѣдокъ же покрытый ранами и славою подвиговъ своихъ, удалился въ нѣдро своего семейства, которое его всему на

свѣтѣ предпочитало. Составляли оное супруга примѣрнаго благонравїя; два сына, обѣщавающїе уже шествовать по слѣдамъ отца ихъ, и три дщери: между коими трудно было сдѣлать отличїе одной предъ другими въ достоинствахъ и красотѣ.

Альбаньякъ съ восхищенїемъ прїемлетъ посѣщенїе Государя своего; спѣшитъ представить ему свое семейство.... Прелести трехъ красавицъ уражаютъ Алфреда; но Эттельвиты несравненно болѣе. Она уподоблялась взошедшему солнцу, затмѣвающему прочїя небесныя свѣтила; стыдливость на ланитахъ ея, произведенная страстными взорами Царя, равнялася только что раскинувшемуся цвѣту по утренней зарѣ..... Алфредъ, превозмогая себя, скрываетъ почувствованное имъ: истощаетъ похвалы для каждыя; каждая рдѣется отъ того и умножается тѣмъ ихъ краcота: Эттельвита же особенно, превыше всякихъ выраженїй ослѣпляла очи уже влюбившагося въ нее.

Порфирородный гость угощается ужиномъ; дщери, (а) по повелѣнїю роди-

(а) Въ старинныя времена служили въ пиршествахъ рыцарямъ дѣвицы. Сей источникъ установленїя при дворахъ Государей благородныхъ дѣвъ и отроковъ на прислуги имъ.

дителя, служатъ при столѣ Алфреду, коего взоры какъ бы прикованы были на предметъ его плѣнившій. Альбаньякъ изливая душу предъ нимъ воспоминаетъ о побоищахъ съ Датчанами; о томъ, какъ рука юнаго побѣдителя прогнала ихъ изъ Англіи. Но сей едва внемлетъ слова его, мысли его полны единыя Эттельвиты. Старикъ съ жаромъ упоминаетъ о Гастингсѣ, Лафѣ и прочихъ; (в) но вниманіе Алфреда къ единой только стремится красотѣ Эттельвиты: она-то самая и избирается отцемъ проводить знаменитаго гостя въ приготовленное для него ночное покоище, и изъ прекрасныхъ своихъ рукъ поднести ему, такъ въ старину называнное „*вино предъ спаньемъ*.„ (г)

(в) Гастингсъ, Лафъ и прочіе знаменитые военачальники Датчанъ, побѣжденные Алфредомъ на многихъ побоищахъ.

(г) „*Вино предъ спаньемъ*„ состояло, какъ извѣстно по исторіи, изъ винограднаго вина и меда; подносили оное гостямъ, въ знакъ уваженія къ нимъ, предъ тѣмъ, какъ ложиться имъ въ постелю: исполняла то обычайно или домоначальница, или одна изъ ея дщерей. Шакеспиръ въ трагедіи своей „Мечбеттъ„ упоминаетъ о семъ обычаѣ, остаткѣ самой отдаленнѣйшей древности.

Домоначальникъ съ четою возвращается во внутренній чертогъ свой съ примѣтною унылостію; задумывается; молчитъ. . . . „Что вижу?„ Вѣщаетъ къ нему его супруга, „скорбь на лицѣ „твоемъ, егда счастливимся удоволь„ствіемъ толико лестнымъ! въ домѣ „нашемъ Обладатель нашъ, Обладатель, „имѣющій всѣ возможныя права быть „намъ безцѣненъ! . . . . . „Альбаньякъ не разверзаетъ устенъ, взоры его потуплены; . . . . . „ты не отвѣчаешъ „мнѣ! не отверзаешъ души твоей предо „мною! въ волненіи вся кровь твоя! . . . . „ „Правда, мучуся духомъ, да и не безъ „причины. . . . Скажи мнѣ, не при„мѣтила ли и ты, что глаза Алфреда „не отвлекалися отъ дщерей нашихъ „ниже на мгновеніе? . . . Или заблуж„даю, или есть уже умыслъ посрамить „домъ мой. (д) Не ужели ищетъ онъ здѣсь

(д) Страхъ Альбаньяка оправдаетъ то, что во оныя времена самыя набожнѣйшія Государи ни за что вмѣняли, сверьхъ законныя жены, имѣть наложницъ. Правда, и тѣ разумѣлися женами же, но вторыя степени; не были имъ воздаваемы почести и преимущества наравнѣ съ первою. Отходя даже до дней Авраамовыхъ, видимъ, что дѣти Агары не именовалися не законнорожденными, и также точно наслѣдовали по отцахъ, какъ и дѣти женъ законныхъ.

„ здѣсь постыдныхъ для себя забавъ! . . . .
„ Честь моя! отъ единыя мысли о томъ
„ разсудокъ мой гибнетъ! но лучше сто
„ смертей мнѣ собственно, тебѣ и всѣмъ
„ рожденнымъ нами. „

Вниманіе бдительнаго отца прозорливо; Алфредъ влюбленъ во Этшелвиту безпредѣльно. Уединяся онъ съ наперстникомъ своимъ Этшельбертомъ, говоритъ ему: . . . . . „ Небесное суще-
„ ство! Смертная не можетъ быть то-
„ ликія красоты, ощутительныхъ при-
„ знаковъ совершенныя невинности и
„ смиренномудрія. Какое счастіе, какое
„ упоеніе сладостное всѣхъ чувствъ для
„ того, кто сподобится восхитить
„ первыя вздохи чистой сей, чуждой
„ всякаго притворства, души; для ко-
„ го соблюдается райскій цвѣтъ сей! . . . .
„ Правда, Государь! Чудо прелестей и со-
„ вершенствъ . . . . Ни когда природа
„ ни соединяла столь многихъ изящно-
„ стей; какая нѣжность въ голосѣ! Ка-
„ кая величественная поступь! Съ ка-
„ кою силою пронзаетъ сердце, смяте-
„ ніемъ и страстію оное преисполняя! . . . .
„ Естьли бы возлюбила меня! . . . . Не
„ сомнѣвайтесь, какая дѣва не плѣни-
„ лась бы тобою: Царь, любовникъ,
„ витязь славою облеченный, въ возра-
„ стѣ, удобовливающемъ взаимное пла-
„ мя; все отвѣтствуетъ тебѣ за ус-
„ пѣхъ. „

Едва наступилЪ день, нѣкто подходитЪ кЪ дверямЪ комнаты Алфредовой, вопрошаетЪ: „ можно ли увидѣть „ тебя, Государь?„ . . . . . Сей сЪ досадою отзывается: „ Кто дерзаетЪ такЪ „ рано меня безпокоить? . . . . . Хозя„ инЪ дома!„ . . . . . АльбаньякЪ входитЪ сЪ мечемЪ обнаженнымЪ вЪ рукѣ, другою ведетЪ трехЪ дщерей во одеждахЪ сѣтованїя, вЪ видѣ глубокой печали. . . . . „ Какое видѣнїе! . . . Зриши „ отца, коему честь ни сЪ чѣмЪ не сра„ вненна. Странность явленїя моего предЪ „ тобою вразумительна. . . . . Ты Са„ модержецЪ мой! Я твой подданной; „ благородныя чувствованїя мои извѣ„ стны тебѣ. Не обманулся ли я, что „ взоры твои вчера, какЪ бы пригвожде„ ны были на сихЪ моихЪ дѣтей? Не „ питаешЪ ли умысла обезчестить со„ старѣвшагося вЪ служенїяхЪ те„ бѣ? . . . . . Естьли такЪ: желѣзо „ упредитЪ срамЪ мой, вонзится вЪ грудь „ несчастныхЪ тварей, и сами онѣ по„ могутЪ мнѣ лишить себя жизни! Но „ естьли пламя чистое разливается вЪ „ твоихЪ жилахЪ; естьли не презираешЪ „ союзЪ со мною: избирай, нарекай су„ пругу.„

АлфредЪ молчитЪ сЪ минуту, вѣщаетЪ слова, открытели величїя души его: . . . . . „ АльбаньякЪ возвращаетЪ „ Алфреда Алфреду. МогЪ я совратиться

„ отЪ

„ отъ пути долга; но ты на оный при-
„ водишь меня. Избраніе мое теперь же
„ свершится: „ . . . . . Простираетъ
десницу къ Эттельвитѣ, (е) произ-
носитъ: . . . . . „ Се рука моя, съ ра-
„ достію возлагаю Діадему на чело
„ твое, сопосаждаю на престолѣ мо-
„ емъ. „

Эттельвита хочетъ повернуться къ
его ногамъ, не допущена; Алфредъ объ-
емлетъ ее, прижимаетъ къ груди. . . . . .
„ Высота и твердость духа твоего, по-
„ чтенный старецъ! Достойны сицевыя
„ награды; славлюся именовать отцемъ
„ мужа отличнѣйшаго въ Государствѣ
„ моемъ. „

(е) Эттельвита сопутствовала Алф-
реду въ бѣгствѣ его на островъ Атенгъ,
гдѣ укрѣплялся противу нашествія Дат-
чанъ. Онъ, семейство его и всѣ бывшіе
при немъ, угрожаемы были голодною
смертью: одинъ уже оставался печеной
хлѣбъ въ ставкѣ Царской. Предсталъ
къ Алфреду умирающій безъ пищи;
далъ онъ ему половину сего самаго по-
слѣдняго хлѣба; отсовѣтовавшей сіе
Эттельвитѣ отвѣчавъ: . . . . „ Другъ
„ мой! Тотъ, кто пятью хлѣбами и
„ пятью рыбами насытилъ многія тыся-
„ чи, насытитъ насъ съ тобою и всѣхъ
„ нашихъ оставшеюся еще у насъ поло-
„ виною. „

Этпельвита признается предъ Алфредомъ, что первый взглядъ его на нее устремленный, былъ вѣчный рушитель ея покоя. Какое признанїе для страстнаго любовника! . . . . . Провозглашается она супругою Царя, коего благоденствїе усугубилось; оба новосочетавшїяся возгремѣли славою во вселенной; доднесь достойно хвалится ими Великобританїя.

Мужъ рѣдкїй.

Мужъ, рѣдкїй въ родѣ человѣческомъ, простиравшїйся въ дѣянїяхъ благихъ къ единому собственному своему утѣшенїю; разумѣвшїй благотворенїя первѣйшимъ и самымъ необходимымъ подвигомъ, связаннымъ съ естествомъ нашимъ; врожденный то былъ нагибъ души его, подкрѣпляемый здравымъ разумомъ и религїею. Вездѣ искалъ онъ несчастныхъ: которому либо изъ нихъ и сколько бы ни было, могъ быть полезенъ, душа его сладостнѣйшимъ упоенїемъ наполнялась; былъ чуждъ мнимыхъ оныхъ восхищенїй присвояемыхъ страстямъ. Отеръ ли хотя единую слезу страждущаго, сердце его вкушало радость. Малое его имущество не ему принадлежало, а нищетствующимъ: естьли бы цѣлаго свѣта богатствъ былъ обладатель, истощалося бы на терпящихъ скудость.

Путе-

Путешествуя по обычаю своему изъ одного мѣста въ другое на тотъ же самой конецъ, достигаетъ нѣкоего приморскаго города; ускоряя посѣщеніями отягченнаго человѣчества, прежде всего идетъ на галеры, гдѣ великое множество мучимы бываютъ несносными работами, хотя по большей части заслуженно; но имѣютъ и таковыя права на сожалѣніе о себѣ.

Между всѣми поражается, увидѣвъ юношу около двадцати пяти лѣтъ, горько-плачущаго; видъ лица его былъ кротокъ и привлекающъ; казался совсѣмъ инаковъ, нежели прочіе его сострадальцы.

„Другъ мой! Говоритъ подошедъ къ нему . . . . . „ты плачешъ? Нѣтъ „ли тебѣ нужды въ какой нибудь по„мощи? Правда, не могу тебѣ служить „многимъ, но все, что въ силѣ моей, „распоряжай онымъ, прошу тебя и за„клинаю . . . . „ Милостивый чело„вѣкъ! Одни слова твои, одинъ твой „голосъ, даютъ уже мнѣ отраду! Зло„ключенія мои не могутъ поправиться „деньгами; довольно есть у меня къ „пробавленію горестной моей жизни: „да и пропитаться несчастливцу мала„го стоитъ. Бѣдствіе, не мое соб„собственное, меня сокрушаетъ. . . „ При словахъ сихъ усугубилися его слезы. . . . „ Развѣ ни какъ не возможно „помощи тебѣ? . . . . Потоки изъ

 „глазъ

„ глазъ твоихъ лїются прямо во вну-
„ тренность груди моей. . . . . Уже ты
„ довольно облегчаешь меня единою чув-
„ ствительностїю твоею ; перьваго ви-
„ жу тебя , удостоившаго вниманїя со-
„ стоянїе мое : да возгранадишся из-
„ быточно отцемъ небеснымъ ! . . . .
„ Открой мнѣ печали твои , раздѣлю съ
„ тобою , уменьшу оныхъ лютости . . . .
„ Сожалѣнїе твое , благїй человѣкъ !
„ вперяетъ довѣренность , да и будетъ
„ она полная. Я сынъ земледѣльца ,
„ который не могъ ни чего инаго мнѣ
„ оставилъ по себѣ , кромѣ правилъ и
„ примѣровъ добродѣтельной жизни,
„ Сверстники въ лѣтахъ мнѣ , попол-
„ зновенные къ излишествамъ молодо-
„ сти , развратили меня. Насильствен-
„ но вошли мы въ угодьи сосѣдственна-
„ го къ намъ Помѣщика , не только про-
„ изводили ловлю звѣрей въ его лѣсахъ ,
„ но и тѣ , которые къ храненїю оныхъ
„ были приставлены , уязвлены отъ
„ насъ , одинъ же и лишенъ жизни,
„ Узнало правосудїе ; я былъ пойманъ ;
„ брошенъ въ темницу и осужденъ шесть
„ лѣтъ претерпѣвать каторжныя рабо-
„ ты на галерахъ. Прошло уже четы-
„ ре года , къ которымъ всеконечно не
„ рожденъ я ! Отецъ мой умеръ съ пе-
„ чали отъ того ; семейство мое до
„ конца разорилось, ходатайствуя о моей
„ свободѣ. . . . Не давно услышалъ ,
„ что

„ что жена моя, трое дѣтей моихъ,
„ при послѣднемъ издыханіи отъ нище-
„ ты и сокрушенія. . . . . Кто имъ по-
„ можетъ теперь? Кто ихъ подкрѣ-
„ питъ? Естьли бы былъ съ ними,
„ труды бы рукъ моихъ не допустили
„ ихъ погибнуть!„

Отъ рыданія и стоновъ слова мо-
лодаго человѣка едва становятся вня-
тны. . . . „ Не напрасно страждешъ, „
отвѣчалъ путешественникъ. „ Одна-
„ ко же несчастенъ ты безмѣрно! Не
„ время теперь судить о преступленіи
„ твоемъ: раскаеваешься, какъ вижу, сего
„ уже и довольно. Займемся положені-
„ емъ твоимъ, раздирающимъ мою внут-
„ ренность. И такъ два года осталось?. . .
„ два еще года, два столѣтія мукъ не-
„ сносныхъ! не пережить мнѣ оныхъ,
„ не переживу всеконечно. Бѣдная жена
„ моя! бѣдныя мои дѣти! что съ вами
„ будетъ? Но . . . когда бы нашелся кто
„ либо взять за тебя мѣсто твое,
„ дастся ли тебѣ вольность? . . . . . Тотъ
„ же бы часъ; но гдѣ человѣкъ такой,
„ для меня на всей земной поверхности,
„ которой бы неповинно самъ себя осу-
„ дилъ безпрерывно томиться; самъ
„ себя осудилъ на оковы, уничиженіе и
„ срамъ? Всѣ сокровища свѣта сего
„ безсильны отъискать такого. „ . . . .
Вопрошатель оставляетъ узника, бѣ-
житъ къ чиновнику надъ каторжными,
про-

произноситъ къ нему: ..... ,, Молодому ,, человѣку, (указавъ) дайте вольность. ,, Вотъ руки и ноги мои, обложите окова- ,, ми, на два года за него я остаюсь ,, ... Чиновникъ, удивленный, преодолѣваетъ намѣренїе его всячески ..... ,, Я все ,, знаю! знаю что обезчещу себя предъ ,, людьми; но предъ небесами истин- ,, ная честь открыта, ихъ суду и вну- ,, шенїю сердца моего подвергаюсь. Стра- ,, далецъ сей необходимъ женѣ своей и ,, дѣтямъ; ..... два года протекутъ ,, скоро. ,,

Узникъ падаетъ къ ногамъ столь рѣдкаго мужа, лобзаетъ ихъ, обливаетъ слезами, говоря: ..... ,, Нѣтъ! какъ ни безмѣрна любовь моя къ моему се- ,, мейству, но на такомъ условїи не ,, увижу оное ни когда. ,, Человѣколю- бецъ не внемлетъ словъ его, помо- гаетъ сымать оковы и радуяся духомъ, на себя надѣваетъ. .... ,, Поспѣшай ,, къ твоимъ, другъ мой! вѣрь, что я ,, буду счастливѣе тебя въ сихъ желѣ- ,, captured захъ, легкими мнѣ покажутся ..... ,, Но что внушило тебѣ столь не слы- ,, ханное милосердїе? ..... Природа и ,, религїя. Еще повторяю; не трать ,, минутъ, ускоряй къ твоему семейству: ,, однимъ симъ только обязать меня ,, можешъ. ,,

Не подражаемый мужъ проводилъ, въ спокойствїи души и терпѣнїи, уре-

ченное время, убѣгая быть видимъ и узнанъ отъ кого бы то ни было; дни его протекали въ повелѣваемыхъ ему трудныхъ работахъ, подавая собою примѣры благочестія, возложенія надежды на единаго Бога, и благотворительства въ чемъ токмо могъ; былъ утѣшителемъ, опорою сострадавшихъ ему: во многихъ изъ нихъ вселилъ раскаяніе о прошедшемъ; привелъ на путь добродѣтели; словомъ, и въ самыхъ оковахъ проявился наиближайшимъ подобіемъ божества.

Но кто точно могъ родиться таковымъ образцемъ сердецъ чувствительныхъ? истиннымъ витяземъ доблестей, прямымъ Христіаниномъ? . . . . Изъ духовнаго званія, отъ незнатныхъ родителей, безъ всякаго имущества, не имѣвшій мѣста ни при какой церкви! . . . . однако же ему-то долженствуетъ преобширная страна многими заведеніями Богоугодными; онъ-то былъ спасителемъ до десяти тысячь единицъ повсягодно, коихъ своевольство и безчеловѣчіе осуждало умирать при рожденіи; имъ-то, безъ различія степеней, отечествъ, богослуженій, толикая многочисленность нищихъ и одержимыхъ болѣзньми, были призираны. . . . Именовался онъ Викентій-Поль . . . . (s).

КЛЕ-

(s) На вопросъ Венедикта четвертаго надесять Римскаго Папы, въ разсужденіи

КЛЕМЕНТИНА.

Нѣкоторая дѣвица по волѣ родителей ея и собственному своему избранію сговорена была въ супружество за человѣка, котораго она не меньше, какъ и онъ ее любилъ Послѣднему къ совершенію обряда брачнаго не доставало только не обходимо нужнаго свидѣтельства письменнаго о времени и мѣстѣ его рожденія. Влюбленнымъ надлежало сего ради на не многіе дни разлучиться, что и послѣдовало.

Скоро за симъ получаютъ отъ жениха письмо о возвращеніи его, съ означеніемъ дня, когда то будетъ. Все семейство отправляется на срѣтеніе; показывается карета уже близко; выходятъ изъ нее; Клементина возгласила: . . . . ,, Но гдѣ ,, же онъ? ,, ... Мужъ, лѣтъ престарѣлыхъ, въ глубокой печали, отвѣтствуетъ ей: . . . . . ,, Женихъ вашъ ,, мнѣ поручилъ увѣрить васъ ,, ... ,, Но гдѣ самъ онъ? Что удержало ,, его? . . . . Я его дядя, сударыня! ,, присылаюся нарочно къ вамъ . . . . ,, Не ужели перемѣнился ко мнѣ? . . . ,, Вы вздыхаете; не мучьте, не скрывай- ,, те

сопричтенія сего Викентія къ лику святыхъ, когда раскаазали ему описываемое здѣсь происшествіе, громко онъ произнесъ: ,, Олтари! Вездѣ Олтари великому сему святому! ,,

,, те ни чего .... Старикъ обратившись
къ родителямъ ея, продолжаетъ....
,, Племянникъ мой не нарушаетъ данна-
,, го вамъ слова, онъ бы летѣлъ со
,, мною; но незапная и прелютая бо-
,, лѣзнь.... Дѣвица зарыдавъ преры-
,, ваетъ слова его .... ,, Теперь же къ
,, нему помчуся, милости родителей
,, моихъ извѣстны мнѣ, отпустятъ
,, меня всеконечно.,, Прибывшій ста-
рикъ не возмогъ долѣе скрывать, лице
его слезами покрылось: едва собралъ
силы выговорить: .... ,, Удержите
,, ее! ,, ... Такъ нѣтъ уже его на
,, свѣтѣ! Возопила пораженная,,. Узнаетъ
о скоропостижной смерти возлюблен-
наго своего; дыханіе остановилось въ
груди ея; падаетъ безчувственна. На-
послѣдокъ открыла глаза, по которымъ
увидѣли, что разума лишилася: воз-
вратить оный напрасны были всякія
врачеванія чрезъ ея жизнь. Пятьдесятъ
лѣтъ ежедневно, надлежало стеречь ее;
какія бы ни были суровости въ воздухѣ,
бѣгала на то мѣсто, гдѣ повстрѣчался
съ нею дядя ея жениха, и произносила
тамъ: ... ,, Еще онъ не бывалъ? завтра
,, опять непремѣнно пріиду сюда. . . ,,

ИСКРЕННОСТЬ НЕВИННОСТИ.

Деревенская молодая дѣвка приходитъ въ городъ приняться къ кому нибудь во услуженїе. . . . Странное ослѣпленїе жителей сельскихъ, что нѣкоторые изъ нихъ предпочитаютъ уничижительное рабство, почтеннымъ трудамъ земледѣльческимъ и сопряженной съ ними независимости!

Марѳа, посредѣ соблазновъ и сѣтей развращенїя, мало извѣстныхъ подъ соломенными кровлями, умѣетъ хранить непорочность; а сїе, толико привлекательное качество, не меньше цѣнимое добродѣтелїю, какъ и прелестное пороку: прїобщаетъ новыя прїятности къ красотѣ, коею одарена была она природою.

Принялась въ домъ; хозяинъ влюбляется въ нее до крайности. Въ душѣ человѣка сего вмѣщалися всѣ хульныя слѣдствїя своевольствъ городской жизни; не вѣрилъ онъ, что есть честность и цѣломудрїе въ родѣ человѣческомъ; нравоученїе и религїю разумѣлъ политическими только обузданїями народа; правило у него было одно: „ удо„ влетворяй чувства, чего бы то ни „ стоило„ . . . . Вотъ проклятое основанїе гнуснаго самства, бича дней нашихъ, къ тому единому удобнаго, чтобъ разрушать и самыя наиокоренившїяся общества!

Граж-

Гражданинъ нашъ, съ подобными расположеніями въ душѣ, умышляетъ обезчестить служанку, и весьма легко ему то казалось. Но срѣтаетъ упорство неожиданное; чудится; стремленіе умысла его становится сильнѣе; не можетъ вообразить себѣ, чтобъ подлая дѣвка могла не согласиться. Уничиженное самолюбіе примѣшивается къ неистовому его похотѣнію; истощаетъ всякія ухищренія соблазна: улещенія, обѣщанія сдѣлать счастливою, дары; — ни что не успѣваетъ.

Натверженныя Маѳѣ сей, съ ребячества, родительскія слова, которыя были и по собственному ея сердцу, дѣлали ей честь всего на свѣтѣ дороже.

Порочная любовь всегда близка къ поступленію на самыя беззаконнѣйшія крайности: злодѣй, обманутый въ чаяніи своемъ не сомнѣнномъ, составляетъ въ мысляхъ своихъ мщеніе наилютѣйшее.

Выгоняетъ Маѳу изъ дома своего. Уже она на улицѣ съ небольшею укладкою, въ которой лежали принадлежавшіе ей мѣлочи. . . . Бывшій ея хозяинъ бѣжитъ за нею въ слѣдъ, кричитъ: . . . . . „ держите воровку, она „ меня обокрала. „

Ведется несчастная подъ стражу; представляютъ ее предъ Судей; открыта укладка ея, находятъ вещи хозяй-

скїя; бываетъ обвиняема; заключена въ темницу; признана изобличенною. . . . Горькїя слезы, стоны, рыданїя, призывы во свидѣтельство самаго Бога, что безвинна, не внемлются. Жалость бываетъ заглушаема въ сердцахъ Судей силою законовъ: предаютъ непорочность въ руки палача.

Нѣкїй Врачь того города покупаетъ у послѣдняго трупъ: относятъ оный къ нему въ домъ, гдѣ на тотъ разъ случился братъ его, духовная особа, коего старость и сѣдины усугубляли достопочтенность вида. Первымъ движенїемъ его было сѣтованїе: . . . . ,, Въ ,, такой молодости, и уже преступни- ,, ца! ,,

Врачь между тѣмъ раскладываетъ орудїя свои для вскрытїя тѣла; ножъ уже почти касается онаго. . . . Показавшїяся вдругъ признаки жизни удерживаютъ его руку. . . . . . и не напрасно.

Дѣвка открываетъ глаза, ибо не совсѣмъ была задавлена; первый попадается онымъ сказанный старецъ: видѣнїе сїе поражаетъ ея, мнитъ видѣть самаго Всевышняго, встаетъ, падаетъ къ ногамъ его, и объемля оныя произноситъ: . . . . ,, Отецъ Небесный! Тебѣ извѣстна безвинность моя! ,,

Духовный человѣкъ единое восклицновенїе такое прїемлетъ голосомъ истин-

тинны; не забываетъ ни какихъ помощей и утѣшеній.

Судіи извѣщаются, разсматриваютъ вновь уголовное сіе дѣло, открываютъ невинность въ полной ясности; проклятый клеветникъ осужденъ на смертную казнь.

Марѳа одарена отъ многихъ гражданъ, привѣтствована всѣми, отъ двухъ изъ Судей своихъ получила довольные доходы вѣчно. — Жизнь и честь возвращены ей; но лишилася ума, и даже до того, что не льзя было не держать ея заперту. . . . Часто находили бѣдную сію тварь на колѣнахъ, съ сложенными перстами рукъ, омочающую полъ комнаты своей слезами; непрестанно повторяла она говоренныя ею слова предъ Судіями: . . . . „Милостивые государи! „Милосердые отцы! Самимъ Богомъ „клянуся, что я не воровка.„

МОНТАГЮ и РАНДАЛЪ.

Лордъ Монтагю прохаживаяся въ Сент-жемскомъ саду, мѣстѣ, въ которое обычайно уединялся испытывать собственное сердце свое размышленіями съ самимъ собою: видитъ человѣка идущаго въ глубокой задумчивости по берегу одного протока. Тяжкая скорбь изображалась на его лицѣ; одежда знамено-

меновала нищету; то возводилъ взоры къ небесамъ, то потуплялъ ихъ въ землю; вздохи спиралися въ его груди и излетали со стонами.

Отъ срѣтившагося, между тѣмъ, съ нимъ творца извѣстнаго сочиненїя „о годовыхъ временахъ„ уваженїя достойнаго Томсона, узнаетъ, что то былъ Капитанъ Рандаль; что едва не всякъ день приходитъ онъ туда; что служилъ всегда съ отличностїю, израненъ за отечество; что давно уже проситъ пропитанїя у раздавателей милостей правительства, но тщетно; что былъ обиднѣйшимъ образомъ обойденъ въ чинѣ; что заключенный миръ съ непрїятелями Англїи, уменьшилъ число военныхъ людей, а чрезъ то лишился онъ роты своей, или точнѣе сказать, насущнаго хлѣба; что жена и двое рожденныхъ ею отъ него содержатся выдаваемымъ ему половиннымъ жалованьемъ, онъ же ищетъ какого нибудь мѣста для себя, дабы не умереть только съ голода.

Монтагю, глубоко воздохнувъ, говоритъ Томсону: . . . . . „не ужели не
„найдетъ ни кого готоваго помощи
„ему? . . . . . Милордъ! развѣ могутъ
„имѣть несчастливцы друзей? Рандаль,
„я его знаю, прежде умретъ, нежели
„просить будетъ милостыню. О! сколь
„мало человѣколюбцевъ между людьми!

„а

„ а еще того меньше умѣющихъ обязы-
„ вать ближняго для послѣдняго не съ
„ посрамленїемъ! не всякъ Монтагю, не
„ всякъ столь нѣженъ и щедръ. „

Лордъ запечатлѣвъ въ памяти слышанное отъ Томсона, выходитъ изъ саду. Чрезъ не многїе дни во оный возвращается, обрѣтаетъ того же самаго человѣка сѣдящаго со опустившеюся въ низъ головою . . . . . Нѣсколько подумавъ самъ съ собою, посылаетъ къ последнему служителя своего. Сей подшедъ къ Рандалю говоритъ: . . . . .
„ Господинъ мой проситъ васъ къ себѣ
„ отобѣдать. „ Рандаль подымаетъ голову, произноситъ чудяся: . . . . .
„ твой господинъ! но кто онъ? . . . . .
„ Лордъ Монтагю . . . . Имя его извѣ-
„ стно мнѣ, изъ малаго онъ числа тѣхъ,
„ отъ которыхъ санъ ихъ, а не они
„ отъ своего сана заимствуютъ украше-
„ нїе; но онъ совсѣмъ не знакомъ мнѣ;
„ за кого нибудь другаго меня принима-
„ ешъ . . . . . Но не вы ли господинъ Ран-
„ даль? . . . . . Такъ меня зовутъ, одна-
„ ко не мнѣ всеконечно дѣлаетъ госпо-
„ динъ твой честь приглашенїя въ
„ себѣ. „

Служитель возвращается къ Лорду, и опять посланъ къ Рандалю . . . . .
„ Не вы ли Капитанъ осмнатцатаго пол-
„ ку? . . . . . Я; не меньше для того

„ не знакомъ я Лорду твоему, ошибаеш-
„ ся вѣрно. „

Посылаемый въ третїй разъ предъ Рандалемъ: . . . . . . „ Нѣтъ сударь! я
„ не ошибся; васъ именно зоветъ Госпо-
„ динъ мой къ обѣду, и ежели теперь
„ же со мною не пойдете, выгонитъ
„ меня изъ дома. „

Рандаль не понимая, что бы сїе значило, уже предъ Лордомъ, вѣщаетъ ему: . . . . . . „ Сказано мнѣ, что почтили
„ ли вы меня приглашенїемъ къ столу
„ вашему; принудился я притти, чело-
„ вѣкъ совсѣмъ вамъ не знакомый . . . .
„ Такъ, государь мой! васъ точно ждалъ
„ я съ нетерпѣнїемъ: отобѣдайте со
„ мною — имѣю сообщить вамъ нѣчто
„ важное. „

Хозяинъ гостя беретъ за руку, сажая подлѣ себя говоритъ: . . . . . „ По-
„ ступка моя должна странною вамъ
„ казаться. Настоитъ дѣло услужить
„ благородной женщинѣ, которая не ска-
„ занно желаетъ вашего знакомства. „

Трудно описать изумленїе и замѣшательство Рандаля . . . . „ Благород-
„ ная женщина! но я женатъ! у меня
„ двое дѣтей . . . . Все вѣдаю, „ усмѣх-
нувшись отвѣчалъ Лордъ, „ но тѣмъ
„ больше радуюся случаю познакомить
„ васъ съ нею. Имѣю же ли причину къ
„ тому, отдаю на ваше сужденїе. „

Мон-

Монтагю встаетъ, идетъ къ боковой двери комнаты, отворяетъ ихъ....... Вдругъ показывается изъ нихъ жена Рандаля съ дѣтьми, кидается въ его объятія, и среди удовольственныхъ слезъ произноситъ къ плачущему также мужу своему, указывая на Лорда:....,, Милосердымъ вельможею симъ привезена я
,, и рожденные нами въ Столицу; за часъ
,, передъ тѣмъ отъ дяди моего получила
,, я письменное укрѣпленіе намъ ста
,, фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго до-
,, ходу, вотъ и бумага...,, Какое
,, чудо!,, воскликнулъ Рандаль. Да онъ-
,, то и паче всѣхъ на свѣтѣ не доволенъ
,, былъ, что я женатъ на тебѣ; даже
,, лишилъ тебя за то наслѣдства при-
,, казнымъ порядкомъ. Онъ надъ нами
,, сжалился! подлинно превращеніе, ка-
,, кого я ни какъ не ожидалъ!,,

Такъ говоря Рандаль, пристально смотрѣлъ на Лорда; примѣтилъ, что удерживаетъ онъ слезы;.....,, Открылось таинство! у ногъ твоихъ
,, Милостивый Государь!.....,, обра-
,, тясь къ женѣ;.....,, Супруга! вотъ
,, нашъ родственникъ! вотъ нашъ бла-
,, готворитель! не отвлекайте меня
,, отъ его колѣней, умру на оныхъ отъ
,, благодарности.,,

Монтагю подъемлетъ его, прижимаетъ къ груди, лобзаетъ его, слезами своими мочитъ лице его, увѣряетъ,

что не отъ его руки получено сіе благодѣяніе.

„ Напрасное увѣреніе, о! красота че-
„ ловѣчества! предметъ обоженія моего!
„ но не довершишъ ли милосердіе твое?....

Лордъ отвѣтствуетъ: .... „ Дру-
„ зья мои! неизреченное удовольствіе,
„ слезы мои, измѣняютъ мнѣ. При-
„ знаюсь, я назвался дядею вашимъ:
„ да останусь же вѣчно, какъ бы самый
„ ближайшій вамъ по крови; отнынѣ со-
„ ставьте семейство мое, любезное се-
„ мейство! какія сладости въ душѣ
„ моей! какое упоеніе восхитительное!
„ нѣтъ! не я васъ, вы меня обязали.
„ День сей, клянуся, самый лутчій есть
„ во всей жизни моей.„

Скоро за симъ Монтагю помирилъ Рандаля съ дядею жены его, не долго послѣ жившаго, и которой оставилъ племянницѣ нарочитое наслѣдство; помиловавшей же и помилованныя уже не разлучились; ни чего раздѣльнаго у нихъ уже небыло ни когда.

БОГАТЫЙ, ДОСТОЙНЫЙ БЫТЬ ТАКОВЫМЪ.

Генрихъ, бѣдной разнощикъ свѣжей воды по городу за самую малую цѣну, ко умноженію несчастія своего женился очень молодъ; прежде еще средины вѣка

своего

своего сдѣлался многочаденъ. Старшїй изъ его сыновей, именемъ Карлъ, вдругъ не знаемо куда удалился. Отецъ и мать не утѣшны: не льстятся увидѣть его ни когда.

Генрихъ и послѣ того тритцать лѣтъ кормилъ семью свою тѣмъ же ремесломъ. Жена его умерла между тѣмъ, а за нею и многїе изъ ихъ дѣтей: оставшїяся же живыми разбрелися въ разныя стороны промышлять себѣ дневную пищу.

Водо-продавецъ сей въ одинъ день наливалъ воду въ бочку свою изъ нѣкоего кладязя: съ обѣихъ концевъ улицы наѣхало множество повозокъ; стѣснили карету прекрасную, запряженную самыми видными лошадьми; въ ней сидѣли три, по видимому, знатныя особы; четверо служителей, богато одѣтыхъ, показывали знатность сидѣвшихъ въ каретѣ: сошедъ они съ своего мѣста за нею, толкали повозчиковъ съ буйствомъ и наглостїю, чтобъ очистили дорогу Господину ихъ. Въ каретѣ находились три особы. Бѣдной Генрихъ переставъ наливать бочку, глядѣлъ съ прочими на трехъ господъ, и говорилъ самъ себѣ: . . . . ,, Куда какъ они благополучны! ,,

Вдругъ услышанъ голосъ одного изъ оныхъ трехъ, чтобъ служители отворили двери кареты; кидается изъ ней съ поспѣшностїю, бѣжитъ прямо къ Генриху, обхватываетъ его обѣими ру-

ками и громко произноситъ? . . . . . .
„ Не обманываюся, не обманываюсь все-
„ конечно, моего родителя, любезнаго
„ моего родителя обнимаю. „ Обратясь
къ спутникамъ продолжаетъ: . . . .
„ Графъ! Баронъ! возрадуйтесь со мною;
„ нашелъ я, чего ищу такъ долго; онъ
„ въ объятіяхъ моихъ! „ . . . . . Далѣе,
разсѣвая взоры вокругъ случившихся
тутъ . . . . „ Это отецъ мой! дру-
„ зья! пріимите и вы участіе въ восхи-
„ щеніи моемъ. „

Генрихъ не вѣритъ слуху своему; едва смѣетъ произнести къ прижавшему его къ груди своей: . . . . . . „ Милостивый государь! что вы дѣлаете? презрѣнной старикъ, каковъ я, не достоинъ такой чести . . . . Но о боже! возможноли? . . . . Такъ . . . . . Такъ, это ты Карлъ „! . . . . . Оба смываютъ другъ друга слезами . . . . Успокоясь нѣсколько отъ волненія столь незапнаго въ крови, сынъ расказываетъ предстоявшимъ въ слухъ повѣсть свою вкратцѣ: . . . . „ Не восхотѣвъ кор-
„ миться тѣмъ же, чѣмъ отецъ мой,
„ ушелъ я тайно изъ хижины его. Случаи
„ завели меня въ Америку, растор-
„ говался и обогатился я тамъ. Всѣ
„ мои старанія потомъ обратилъ узнать,
„ живы ли кто нибудь изъ моего семей-
„ ства, и гдѣ находятся? Но не получая
„ ни откуда и никакаго извѣстія, почелъ

„ всѣхъ

„ всѣхъ уже моихъ умершими. Съ вели-
„ кимъ иждивенїемъ возвратился во
„ отчизну. „ За симъ взглянувъ на прїя-
телей своихъ въ каретѣ : . . . . .
„ Вы мнѣ позволите дать отцу моему
„ четвертое у насъ мѣсто ?

Старикъ помѣщается между трехъ великолѣпно одѣтыхъ Господъ, привезенъ въ домъ сына его, который, минуты не медля, посылаетъ за братьями и сестрами своими, и составляется семейство примѣрнаго согласїя ; достойнаго подражанїя отъ всѣхъ, достойнаго благословенїя Божїя.

МАРЛЬБОРУГЪ.

Марльборугъ занималъ мѣсто знаменоносца въ нѣкоторомъ полку Французскаго воинства. Людовикъ четвертыйнадесять, въ 1672 мъ, объявивъ войну Голландїи, собственною своею особою предвождалъ рать. Герцогъ Монмутъ, побочный сынъ Карла втораго, воспользовался случаемъ доставить выше чиномъ Шурчиля, коего любилъ много. Произвелъ его въ Капитаны полку своего : предоставляя самому себѣ удовольствїе сказать ему о томъ. Шурчилъ призывается ; Герцогъ, положивъ руку на его плечо, поздравляетъ съ повышенїемъ . . . . Но вмѣсто ожиданной радости, видитъ

на

на лицѣ взысканца своего вдругъ показавшуюся печаль и самое отчаяніе: . . . . .
„ Шурчиль, съ тобою ли говорю? Ты на
„ себя не походишъ „ ! . . . . Молодой
Англичанинъ испускаетъ вздохъ; взглянулъ на покровителя своего и въ тоже
время опустилъ глаза. . . . . „ Объяс-
„ нись; не понятное нѣчто! Я отвер-
„ заю тебѣ путь къ славѣ, а ты! . . .
„ Отвѣчай. . . . . Милостивый государь!
„ Тотъ же я, тѣмъ же самымъ пылаю
„ желаніемъ къ сраженіямъ предъ очами
„ твоими. . . . . Прости мнѣ. . . . . Мо-
„ гу ли надѣяться, что признаніе мое,
„ стѣсняющее грудь мою, вы слушаете
„ безъ гнѣва. . . . . Откройся другъ мой!
„ откройся, ни чего не утаевая: вѣда-
„ ешъ сколько люблю искренность, паче
„ же отъ тебя. . . . . Милости твои въ
„ душѣ моей не вмѣщаются, ни когда
„ и ни чѣмъ не могу тебѣ воздать за
„ нихъ. Но къ несчастію бываютъ тай-
„ ны. . . . Предъ вамижъ, все до меня
„ надлежащее должно быть наго. . . .
„ Вѣдайте же Государь! Я влюбленъ,
„ влюбленъ достойно и до безконечно-
„ сти. „ . . . . . Тѣмъ не стыдятся че-
„ стные люди; страсть любовная и
„ храбрость не мѣшаютъ одна другой;
„ а еще первая умножаетъ послѣднюю.
„ Знаменитѣйшіе Рыцари отъ любви
„ вздыхали, однако же умѣли и разста-
„ ваться съ любовницами, и поспѣшать
„ на

,, на пораженїе непрїятелей: ибо въ
,, томъ состояла ихъ и наша главная
,, должность. Хочу быть повѣреннымъ
,, твоимъ: при дворѣ ли красавица
,, твоя? . . . . . При дворѣ Государь!
,, Нѣтъ ни одной, которую бы сравнять
,, съ Марїаною было можно. . . . Марї-
,, ана, не извѣстное мнѣ имя. . . . наи-
,, любезнѣйшая! наипрекраснѣйшая! а
,, при томъ все уваженїе, всю возмож-
,, ную вѣрность заслуживающая. Добро-
,, дѣтели ея далеко превосходятъ ея
,, красоту. . . . По крайней мѣрѣ скажи
,, ея состоянїе? . . . . Ни какого; об-
,, щество не стоитъ украшаться ею. Марї-
,, ана только что кружевоплетчица.,,

Монмутъ громко захохоталъ: . . . .
,, кружевоплетница, божество Шурчи-
,, ля! . . . . Всеконечно, имѣнїе ея одно
,, ремесло сїе. Ни кому не знакома; ро-
,, дители ея отъ гоненїя судьбы въ ни-
,, щетѣ, съ печалей почти не движимы;
,, дочь только пропитываетъ ихъ тру-
,, дами рукъ своихъ. Незапный случай
,, познакомилъ меня съ нею, посчастли-
,, вилось мнѣ ей понравиться, (з) ока-
,, зать нѣкоторыя малыя услуги бѣд-
,, нымъ

(з) О семъ Марльборугѣ, Гейнзїусъ, Пансїонеръ седьми соединенныхъ обла-стей, говаривалъ: . . . . ,, отказы его ,, прїятнѣе соглашенїй многихъ.,,

„ нымъ отцу ея и матери. . . . . Разлу-
„ ченіе со мною уморитъ ее! . . . . Го-
„ сударь! Неможете вообразить, колика-
„ го достойна обоженія; подобныхъ ей
„ нѣтъ на свѣтѣ. . . . . Обычайныя сло-
„ ва любовниковъ, жалкой мой Шурчиль!
„ Да на какой конецъ? . . . . . Можете
„ ли вопрошать? . . . . . Могу ли и я
„ поступить, кромѣ какъ на одно дол-
„ жное! Слѣдованіе по стопамъ твоимъ
„ къ славѣ и чести, вотъ первый мой
„ всегда будетъ долгъ. Не увидишъ ме-
„ ня измѣняющаго надеждѣ твоей о сла-
„ быхъ моихъ способностяхъ къ подра-
„ жанію тебѣ; поспѣшу за тобою къ
„ воинству; но одного прошу знака ми-
„ лосердія твоего ко мнѣ: помоги мнѣ
„ установить какой нибудь вѣрной до-
„ ходъ нуждающему семейству Маріаны,
„ и готовъ за тобою, даже непроствив-
„ шися съ нею. „

„ Шурчилъ, ты ее увидишъ, да и
„ я съ тобою вмѣстѣ. „ Монмутъ вхо-
дитъ съ нимъ въ жилище Маріаны; . . .
Что ему представилось! . . . . . Небе-
сная красота, пріятности, какихъ не
созерцалъ ни въ комъ до того; стыдли-
вость, благонравіе на лицѣ. Дѣвица сія
кормила тогда одною рукою почти уми-
рающаго старика на постелѣ, другою же
поддерживала мать свою, которая въ
слезахъ утопала.

Уми-

Умиленный Монмутъ видѣніемъ, оглядываетъ съ почтеніемъ всѣхъ трехъ; душа его закипѣла состраданіемъ, говоритъ тихо Шурчилю: . . . . . ,, Всякой ,, годъ будутъ къ нимъ присылаемы ,, двѣсти фунтовъ стерлинговъ, только ,, дай мнѣ слово, что вѣчно и никто ,, не узнаетъ о томъ ,, ... Шурчиль тихо же ему отвѣчаетъ, ,, Пойдемъ ,, Государь! Требуемое тобою слово со,, храню свято; оставимъ мѣсто сіе, и ,, у ногъ твоихъ дамъ волю изліянію ,, сердца моего; еще другое же слово ,, даю тебѣ: не увижу Маріаны, только ,, стерпи, что не забуду ее ни когда. ,,

Въ тотъ же день семейство Маріаны отъ неизвѣстной особы получаетъ письменное укрѣпленіе на вѣчный доходъ по двѣсти стерлинговъ ежегодно.

Покровитель и покровительствуемый ни чего болѣе немѣдля спѣшатъ на поле славы. Послѣдній даже до того отличается, что въ свое время Англичане помѣстили его между первѣйшими своими Витязями. Протекшіе между тѣмъ годы не уменшаютъ любви его. Наконецъ получаетъ онъ письмо содержанія слѣдующаго:

,, Такъ давно не писала я къ тебѣ, ,, ища утвердить состояніе на оставшіяся дни жизни моей. Даръ, не безъ ,, причины мною подозрѣваемый, откуда ,, происходитъ, раздѣлила я между от-

,, цемъ

,, цемъ и матерью моими, малый же за
,, тѣмъ остатокъ послужилъ мнѣ къ
,, оборенѣнію желаннаго мною. Ты одинъ
,, привязывалъ меня къ свѣту; ты уда-
,, лился, пересталъ болѣе существовать
,, для меня; увидѣла я вселенную пусту;
,, уединилась навсегда. Любовница Марль-
,, боруга не можетъ принадлежать ни
,, кому, кромѣ одного Бога: я ему себя
,, посвятила. Молитвы мои о тебѣ не
,, замолкнутъ. Разумѣй меня лутчимъ
,, нѣжнѣйшимъ другомъ твоимъ; друже-
,, ство не возбраняютъ небеса. . . . . .
,, По Богѣ, ты одинъ до гроба моего
,, обитаешъ въ сердцѣ моемъ.,,

И послѣ, доколѣ были живы оба сіи любящіися, продолжаема была взаимная переписка, питавшая хотя не винныя, но самыя сладостнѣйшія чувствованія въ томъ и другой.

ЛЮБОВНИКЪ АНГЛИЧАНИНЪ.

Англинской дворянинъ Томасъ Долзей, доживъ до сорока лѣтъ отъ рожденія, ни въ кого не влюблялся. Бывъ въ деревнѣ своей, занимался ловлею звѣрей. Нѣкогда наступившій среди-дневный жаръ принудилъ его искать убѣжища; увидѣлъ крестьянскій дворъ, входитъ въ оный, представляется ему повсюдная опрятность, простота пріятная,

ятная, ясные признаки, каковы были живущїе въ немъ. Взоры ево срѣтаютъ дѣву красоты необычайныя; необычайное же нѣчто почувствовалъ въ себѣ и Долзей. Семейство состояло въ матери съ дочерью: первая лишився именїя по нѣкоему тяжебному дулу, заставилась избрать сельскую жизнь.

Открываются предъ Долзеемъ новыя и самыя рѣдкїя достоинства; влюбляютъ ево, пресильную страсть, почтенїе почувствовавъ, безсиленъ уже былъ не сдѣлать предложенїя о бракѣ . . . . . Отвѣчаютъ ему вѣжливо, но съ твердостїю, чтобъ не имѣлъ ни какой надежды. Долзей обращается къ матери, убѣждаетъ помогать ему. Отказъ и послѣднїя не откланяетъ его; проситъ, проливаетъ слезы: . . . . „Я уже сказала вамъ, говоритъ ему красавица, „что не могу быть женою вашею; не „скрою и того, что всякому иному „предпочтены бы вы были, ежели бы „могла избрать супруга, ... Ежели „бы могла! но мать ваша говоритъ, „что сїе отъ васъ только зависитъ?„ . . . . Умолчала она о препятствїи къ тому! препятствїи непреодолимомъ . . . . . „Хочу и должна я вѣчно оставаться „дѣвкою . . . . . Развѣ недостатокъ „имущества, сударыня, мѣшаетъ счастїю моему? . . . . Какъ мало умѣете „любить! богатство ни что противу

„ сладостнѣйшаго сего упоенїя чувствъ
„ нашихъ. Моего одного съ лишкомъ бу-
„ детъ довольно и для васъ, и для меня. „

Мать и дочь не умолимы; Долзей, отягченный несносною печалїю, принудился разлучиться съ ними.

Возвратясь въ домъ свой размышляетъ самъ въ себѣ: - . . . . . „ Какое
„ странное сопротивленїе! Для чего же
„ бы матери не открыть невозможно-
„ сти, выдать за мужъ дочь? Неужели
„ преткнулася въ чести? . . . . . Неуже
„ ли жертва она слабостей и заблюжде-
„ нїй человѣческихъ? . . . . . О! Люси,
„ (такъ было имя дѣвы) естьли ты
„ и соблазнена, минута отлученїя раз-
„ судка должна ли навсегда сдѣлать
„ тебя несчастною? Мнѣ, любви моей
„ къ тебѣ предоставлено примирить те-
„ бя съ тобою и свѣтомъ, возвести
„ тебя на степень приличную красотамъ
„ твоимъ наружнымъ и внутреннимъ. „

Паки онъ у ногъ нечувствительной Люси, проситъ, заклинаетъ согласиться на увѣнчанїе страсти его, намѣкаетъ подозрѣнїя свои и на все готовымъ себя находитъ: . . . . . „ Я пони-
„ маю, отвѣчаетъ Люси, послѣднїя слова
„ твои; вѣдайте, ни предъ собою, ниже
„ предъ цѣлымъ свѣтомъ рдѣться не имѣю
„ причины. Я несчастна, это правда;
„ однако же одна судьба виновна въ томъ. „
Сказавъ сїе заплакала горько. Долзей обни-

нимаетъ колѣни красавицы, плачетъ, смягчаетъ ее и вынуждаетъ тѣмъ ее такъ объясниться: . . . . . ,, Удовольствую тебя, освѣдомлю о томъ, что ,, не допускаетъ меня ни до какого при- ,, строенія: какъ ни тяжко мнѣ подоб- ,, ное открытіе. . . . Предложеніе твое ,, лестно, за рукою моею слѣдовало бы ,, и мое сердце. . . . Нѣсколько лѣтъ ,, миновало, какъ мнѣ упасть случилось; ,, нельзя было спасти жизнь мою безъ ,, отнятія ноги. И такъ видите во мнѣ ,, дѣвку на деревяшкѣ. . . . Сіе не мѣ- ,, шаетъ, несравненная Люси! осчастли- ,, вить меня; прелести твои, дарова- ,, нія твои и добродѣтели еще болѣе ,, меня теперь въ тебя влюбляютъ. У ,, тебя есть сердце; ежели непротивенъ ,, ему, вѣчно обожать тебя буду. ,,

Люси упорствуетъ по прежнему и говоритъ ему: . . . . ,, Любить женщину ,, на деревяшкѣ не можно. ,, Томасъ напослѣдокъ увѣрившись, что напрасны будутъ всякія его убѣжденія, разстается. Въ Лондонѣ задолжился только снабдѣніемъ себя наилутчими Операторскими орудіями. Посылаетъ за славнымъ въ дѣлѣ семъ человѣкомъ. Прежде прибытія его къ нему, во внутренней своей комнатѣ поставилъ столъ, расклалъ сказанныя орудія, кошелекъ съ тремя стами Гинеями и два заряженные пистолета.

Вошелъ къ нему Операторъ, запираетъ всѣ двери, обнажаетъ одно колѣно: . . . . . ,, Отрѣжте мнѣ эту ногу? ,, но она совсѣмъ здорова? . . . . Не о ,, томъ рѣчь, здорова ли, больна ли, до ,, того нужды нѣтъ; а дѣлайте, что ,, я велю. ,,

Пришлецъ принялъ Томаса сумосшедшимъ, спѣшитъ уйти отъ него; но онъ не пуская его произноситъ грозно: грознымъ: . . . . . ,, Или рѣжъ мнѣ ногу, ,, или. . . . . . Какъ сударь! Могу ли ,, поступить на подобное безумїе . . . . ,, Не разсужденїй твоихъ требую, повинуйся; или! . . . . . Въ этомъ кошелькѣ [указавъ на оный] три ста Гиней; ,, эти пистолеты [указавъ на нихъ] ,, заряжены добрыми пулями: избирай. ,,

Должно было исполнить не слыханное хотѣнїе Сиръ-Томаса: отнята нога; лишившейся ея благодаритъ крайне, къ тремъ стамъ Гинеямъ прибавляетъ еще сто.

Нога перевязана, залѣчивается, куплена самымъ лутчимъ мастеромъ сдѣланная деревянная; подставлена такъ удачно, что могъ онъ ходить на ней, какъ на первой.

Совсѣмъ выздоровѣвъ посѣщаетъ Люсїю: . . . . . ,, Прежнюю же всеконечно ,, услышу несговорчивость; но скажи ,, мнѣ прямую правду: не одна ли только ,, поддѣланная нога твоя мѣшаетъ мо-

,, ему

,, ему счастїю? . . . . Клянуся; ни что ,, иное . . . . О! Такъ мы согласимся ,, скоро ,, ... Открываетъ одежду на деревянной ногѣ, кажетъ ей оную . . . . . ,, Что вижу! Воскликнула ужаснувшаяся Люси . . . . ,, Слабое свидѣтельство любви моей къ тебѣ ,, Любовница почти безъ чувства упадаетъ въ объятїя любовника, едва возмогши вымолвить слова сїи: . . . . . ,, Руки и ,, сердце, твои. ,,

Оправяся оба, тотъ часъ идутъ въ Церьковь, становятся супругами: коихъ вѣчной вѣрности, взаимнаго и самаго нѣжнѣйшаго согласїя въ жизни своей прослыли примѣрами.

СИЛА ПРИРОДЫ.

Евгенїя произошла отъ родителей почтенныхъ, которыя воспитали ея въ достохвальныхъ правилахъ. Слѣдуя последнимъ могла бы быть счастлива, естьли бы не врожденна въ ней была чрезмѣрная чувствительность.

Корысть, всеобщая сїя двигательница дѣлъ человѣческихъ; творецъ толикихъ неустройствъ и бѣдъ. Виды корысти, повторяю, сходство состоянїй и воля тѣхъ, отъ кого она зависѣла, дали ей мужа. . . . Человѣкъ былъ достойный; жена благоразумная ни когда

бы его любить не перестала; но Евгенiя осмнатцати лѣтъ; а возврастъ сей совоспрошается только съ сердцемъ, всему налагающимъ цѣну, и которое бываетъ единый вождь поведенiя юности.

Сопряженныя сiи, по двухъ лѣтахъ имѣютъ уже сына.

Нѣкто изъ развратниковъ прекраснаго пола, заслуживающiй всю строгость законовъ; славящейся проклятыми своими успѣхами, ненаказанностiю поощряемыми, (назовемъ его Маркизомъ) вкрадывается въ домъ мужа Евгенiи; начинаетъ и неперестаетъ производить ухищренiя, свойственныя такимъ нечестивцамъ. Острыя слова, притворныя чувствованiя, соблазнительныя письма, разговоры забавныя и умиляющiя душу слабыхъ женщинъ: ни что не забыто отъ него предъ особою безъ опытовъ; не навыкшею еще размышлять; чуждею въ такъ называемомъ большемъ свѣтѣ; себя самую не довольно еще знающую. Ядъ порока поглощается съ удовольствiемъ. Словомъ, Евгенiя утратила вдругъ и цѣломудрiе дватцати-лѣтнее, спокойствiе внутреннее, и почтенiе къ себѣ. . . . Подобныя же жертвы пагубнаго мгновенiя! Уклонитесь ли вы единожды отъ пути добродѣтели? Не попасть вамъ на оный ни когда.

Евгенiя въ безпрерывномъ смятенiи чувствъ; раскаянiя, противъ воли, мучатъ

чать ее. . . . . . Дни ея пріятные уже прошли. Сія ни съ чѣмъ несравненная тишина души, единое истинное блаженство на землѣ, оставила ее! Игралище лютыя бури, терзается раздираніями совѣсти своей; ибо порокъ угнѣздился уже въ ея груди.

Обстоятельства домашнія отозвали мужа въ отдаленную страну. Соблазнитель съ жадностію ловитъ случай, становится неотвязнымъ: несчастная же Евгенія, отъ часу болѣе утопая въ страсти своей, забываетъ себя наконецъ вовся. . . . Женщина почтенная, супруга, мать, превращена въ непотребную тварь, или паче рабу чудовища развращенія и злодѣйствъ! Нечестивый очарователь доводитъ ея до предпочтенія гнуснаго желанія его всему должному ею семейству ея, мужу, сыну, себѣ самой, стыду и чести: вомзду же за то предуготовляетъ ей омерзѣніе всеобщее. . . . Даже до того ослѣпленная, покидаетъ и рожденнаго ею, сопутствуетъ бездѣльнику въ чужія предѣлы: сопутствуема же бывъ и сама безславіемъ и отчаяніемъ.

День, часъ отбытія назначенъ. Сынъ Евгеніи находился на тотъ разъ на иномъ мѣстѣ у нѣкоторой сродственницы его родителей. Оба бѣглеца отъ чести и должности, достигаютъ нѣкоего малаго городка; входятъ въ

гостинницу; Евгенїя видитъ младенца похожаго на сына ея . . . . Стѣснился ея духъ, пребыла нѣсколько минутъ не подвижна, послѣ покатилися источники слезъ; распростираетъ руки, бѣжитъ къ младенцу, обнимаетъ его крѣпко, слышитъ нарицанїе себя „ *Ма-„ тушкою* „ . . . . „ Несчастная! „ говоритъ сама себѣ: . . . . „ и я могла „ разстаться съ собственнымъ моимъ „ рожденїемъ!„ . . . . Раскаянїе прїемлетъ всю силу; мчится обратно въ повозку свою; убѣжденїя, прозбы собланзнителя слушанїя неудостоевает; спѣшитъ на мѣсто, гдѣ былъ сынъ ея; находитъ его; обхватываетъ; голосомъ, рыданїемъ прерываемымъ, произноситъ: . . . . „ Дитя милое! Сердца мо-„ его большая часть! Едва не лишился „ ты матери! „

Маркизъ предстаетъ взору ея, отверзаетъ уже проклятыя уста свои на самыя сильнѣйшїя соблазны; но до того не допускается: слышитъ праведныя укоренїя себѣ: . . . . „ Исчезни прокля-„ той отъ глазъ моихъ, душа подлая! „ Тщеславься, гдѣ хочешъ, низверженїемъ „ меня въ пропасть беззаконїя! даже у „ невинности сея (указывая на сына) „ отнялъ было родившую его! . . . . Но „ вѣдай, она возвращена ему, возвраще-„ на природѣ, должностямъ и доброде-„ телямъ, которыя до паденїя моего

„ чрезъ

„ чрезъ тебя, извергъ! толико мнѣ бы-
„ ли любезны; которыя я для такого
„ нечестивца презрила и забыла....
„ Ты похитилъ у меня спокойствіе ду-
„ ши, почтеніе къ самой мнѣ, да и
„ навсегда! Остается мнѣ только по
„ смерть оплакивать ослѣпленіе мое.

ФЕЛИЦІЯ.

Произшествіе, о которомъ теперь повѣствовать начинаю, въ свѣжей еще доднесь памяти въ одной изъ частей Европы. Премѣняю только, какъ и во всѣхъ прочихъ сказаніяхъ моихъ сочиненія сего, имена дѣйствующихъ лицъ, изъ уваженія къ нимъ, а паче единокровныхъ ихъ.

Почти при началѣ жизни Фелиціи, скончалися отецъ ея и мать заразительною болѣзнію, которая тогда свирѣпствовала по окрестностямъ ея отчизны. Взялъ ее къ себѣ воспитывать братъ перьваго: возраствивъ же съ родительскою горячностію и стараніями, выдалъ за мужъ, не совоспросившися съ ея къ тому склонностію. Супругъ не одаренъ былъ качествами пріятными женщинамъ. Правда, могъ снискивать отъ ней почтеніе; но почтеніе далеко не есть любовь. По нѣсколькихъ годахъ

умеръ сей человѣкъ, не оставивъ по себѣ дѣтей; не оставивъ нужнаго имѣнія, коимъ бы прилично состоянію содержаться его вдовѣ; однимъ только могла она льститься награжденіемъ отъ вышесказаннаго дяди, пекшагося о ней, какъ бы была его дочь, да и заслуживала то, во всемъ ему угождая.

Лишеніе мужа произвело печаль, которыя однако же не коснитъ равнодушіе заступить мѣсто. Умъ женщины сей украшенъ былъ многими полезными знаніями; поведеніе ея равнялось красотѣ ея лица и стройности тѣла; слыла образцемъ цѣломудрія и прелестей; но еще болѣе отличалась благородствомъ мыслей, высокими чувствованіями, нѣкоторымъ родомъ, можно назвать, витязества, каковое рѣдко бываетъ въ ея полѣ.

Задержимся обстоятельствами, возъимѣвшими потомъ вліянія на всю ея жизнь.

Не удивительно, что любви достойная вдова окружалася толпою вздыхателей, искателей руки ея и сердца. Насталъ часъ рѣшиться избранію ея; но судьба почти всегда бываетъ завистницею благосостоянія человѣковъ, которая всегда, какъ бы вела войну съ природою: особливо же, ежели послѣдняя кого нибудь одарила отмѣнно отъ прочихъ.

Дядя Фелицїи внезапно обнищеваетъ, теряетъ всѣ долговремянныя плоды торговли своей обширной, и которую производилъ добросовѣстно. Понимаетъ Фелицїя, что много убавится въ людяхъ уваженїя къ ней: пораженїе сїе своимъ замѣняетъ великодушїемъ; на лицѣ ея и въ поступкахъ паче благородство духа, нежели уничиженїе изображаться начали; предпрїемлетъ непреложно отнюдь не попускать любовной страсти овладѣть собою. Имѣла хотя душу чувствительную, отверстую къ нѣжностямъ, ибо совмѣстно то и съ самою строгою добродѣтелью; но вѣдая совершенно, что богатство только есть главный подвигъ къ супружествамъ: безъ него же, какъ бы ни сильно было обоюдное притяженїе сочетаваемыхъ одного къ другому, ослабѣваетъ, хладѣетъ, слѣдуетъ раскаянїе, а далѣе и отвращенїе взаимное. Сама въ себѣ находя предъ многими сверстницами своими преимущества, разумѣла, что недостаетъ ей только даровъ фортуны. Все вниманїе свое обращаетъ на утѣшенїе сердца дяди мужа ея, благотворителя своего. . . . Между тѣмъ молодой зажиточной человѣкъ, коего назовемъ мы Монсерваномъ, влюбляется въ Фелицїю, и даже до того, что прїемлетъ намѣренїе на ней жениться. Кромѣ богатства онъ былъ по всему несносенъ: тщеславенъ,

ценъ, гордъ, отвратительное самство проявлялось во всѣхъ его поступкахъ; суровъ, къ несчастнымъ безчеловѣченъ; избыточно только живущїе на свѣтѣ разумѣлися имъ людьми. Цѣлый городъ, гдѣ сїе происходило, чудится, что бѣдностїю подавляемая вдова могла его столько передѣлать. Подобныя превращенїя предоставлены только одной прїятнѣйшей изъ страстей человѣческихъ: укрощаетъ она, мягчитъ камнеподобныя сердца.... Монсерванъ, по алчности къ золоту, алкаетъ болѣе всего понравиться вдовѣ; но тщетно.

На неотступныя его скучанїя о томъ, сїя отвѣчаетъ: ..... „Ты „богатъ, а я нища; неизмѣримое же „разстоянїе между мною и тобою. Ищи „невѣсты, которая бы еще умножила „великой твой достатокъ. Я отшельница мїра сего, могу себя такъ именовать, цѣлому свѣту ни на что не „надобна; остается же мнѣ одно: умѣть „обходиться безъ всякой посторонней „помощи...... Рано или поздно, „откроются глаза твои; увидишъ въ „точности, какова я: безъ наималѣйшаго имущества, безъ надежды когда „либо оное получить, въ тягость и „самымъ желателямъ мнѣ добра.... „Повѣрь мнѣ, не родилися мы одинъ „для другаго, да и чувствованїя наши „не меньше не сходствуютъ.... Бога-

„ гатѣй день отъ дня больше, и оставь
„ меня вести жизнь въ неизвѣстности
„ отъ людей; одинъ дядя мой по мужѣ,
„ составлять для меня будетъ весь родъ
„ человѣковъ. „

Упрямый богачь не преклоненъ; не-вѣритъ, чтобъ рѣчи женщины не имущей съ мыслями ея сходствовали: однако же напослѣдокъ принудила его Фелиція потерять надежду. . . . . Монсерванъ рѣшится мстить; находитъ двухъ презрѣнныхъ старухъ, готовыхъ сдѣлать все за деньги. Составляется заговоръ: старухи спознакомливаются съ Фелиціею, казавшися простодушными; зазываютъ ея ужинать къ себѣ; даютъ ей соннаго зелія, которое нарочно для того досталъ богачь. . . . . Скорое послѣдуетъ дѣйствіе, — неистовство Монсервана насыщено. . . . . . Насильствованная такимъ образомъ не вѣдаетъ о поруганіи своемъ; чудится только своему усыпленію . . . . . Нечестивецъ еще наипаче распаляется, проискиваетъ вновь подобный же случай . . . . . . Чрезъ время примѣчаетъ Фелиція нѣчто не обычайное въ себѣ; признаки беременности показываются ясно . . . . . Невинность не умѣетъ притворяться. Не имѣя она, чѣмъ укорять себя, сказываетъ всѣмъ сдѣлавшееся съ нею чудо. Дядя удерживаетъ ея отъ того, но она ему говоритъ : . . . . . „ На что скры-

„ вать

„ вамъ истинну, когда я сама предъ „ собою невиновна? Кто хочетъ ругайся мною, безславь меня; довольно къ „ моему утѣшенїю, что не заслуживаю „ то . . . . . . Признаюсь, приключенїе „ не понятное! никто не повѣритъ мнѣ; „ но что непорочна я, сїе мнѣ извѣстно . . . . . Пускай же игрaетъ мною „ несчастїе; въ силахъ я оное презирать. „

Разсматривая она со всевозможнымъ припоминанїемъ все, что съ нею ни было, между тѣмъ подозрѣнїя упали на ужинъ у двухъ старухъ; на ужинъ причинившей ей не естественный сонъ. Призываетъ Монсервана . . . . . Сей входитъ къ ней, становится на колѣни, признается въ преступленїи, относитъ то къ безмѣрной страсти своей, предлагаетъ ей бракъ и всѣ свои богатства: . . . . . „ Отецъ носимаго тобою во чревѣ твоемъ младенца, проситъ тебя о милости, паче ему, нежели мнѣ не обходимой; мнѣ, который жить безъ „ тебя не можетъ. „

Фелицїя, разгнѣванная даже до изступленїя, толкнувъ его, вѣщаетъ: . . . . . „ Злодѣй! такое-то выбралъ ты средство къ сердцу, которому всегда ты „ былъ мерзокъ: отнынѣ же съ содроганїемъ и одно имя твое воспоминать „ буду. Бѣги отъ меня, не кажися вѣчно: ежели же нарушить сїе дерзнешъ,

„ рука

„ рука моя пронзитъ грудь твою. Нѣтъ,
„ не отнялъ ты честь мою, злоумыш-
„ ленію твоему я неучастница. Вселен-
„ ная свѣдаетъ твое преступленіе,
„ подлость души твоей, мое несчастіе,
„ невинность мою. Рожду, но рожден-
„ ный не отцемъ тебя, а лютѣйшимъ
„ врагомъ никогда разумѣть не переста-
„ нетъ. Чудовище! бѣгу отъ тебя,
„ чтобъ во всю жизнь мою тебя не ви-
„ дѣть. „

И въ самой вещи удаляется съ по-
спѣшеніемъ, тщетно бываетъ удержи-
ваема; тщетны всякія раскаянія Мон-
сервана; тщетны представленія его о
крайности для нея, учинить плодъ ея
законнымъ: . . . . „ Безчестіе, были
на то слова Фелиціи, „ упадать должно
„ на одного злодѣя. Не частный плодъ
„ мой останется невиннымъ, только бы
„ былъ добродѣтеленъ; только бы на-
„ шелся въ силахъ, подражая матери
„ своей, съ твердостію духа сносить
„ злоключительное свое рожденіе; не-
„ правости предразсудковъ глупыхъ и
„ безчеловѣчныхъ. Состояніе мое ужа-
„ сно! Но чтобъ я тебя предъ олта-
„ ремъ Божіимъ признала супругомъ?
„ Тебя, коимъ низвержена въ бездну от-
„ чаянія! . . . . Тебѣ соучаствовать со
„ мною на ложѣ моемъ? . . . . Для те-
„ бя развервзаться моимъ объятіямъ? . . . .
„ Смерть предъ тѣмъ есть предметъ

„ пріят-

„ пріятный : . . . . . она откроетъ мнѣ
„ свои нѣдра. „

Фелицїя, внутреннимъ признанїемъ невинности своей подкрѣпляемая, не о томъ мыслитъ, чтобъ скрывать плачевное состоянїе свое предъ обществомъ; чистая ея душа еще возвышеннѣе становится. Не только не прячется ни отъ кого, но прибѣгаетъ къ Судилищамъ, проситъ помощи отъ законовъ, призываетъ губителя своего предъ оныя, начинаетъ съ нимъ тяжбу. . . . Весь городъ съ нетерпѣнїемъ ожидаетъ рѣшенїя столь страннаго дѣла. Первѣйшїе люди и самые Судьи убѣждаютъ вдову примириться съ Монсерваномъ чрезъ бракъ : . . . . „ Тысячи смертей, ежели „ бы было можно принять ихъ одну за „ другой, несравненно сноснѣе подобна„ го сочетанїя !„

Дѣло рѣшится наконецъ въ ея пользу; Монсерванъ осужденъ заплатить немалое количество денегъ, и принужденъ былъ исполнить оное. Тогда-то несчастная сїя оставляетъ всякое сообщенїе съ кѣмъ бы то ни было, уединяется на мѣстѣ далекомъ отъ обществъ, отрицается мїра : . . . Дядя и сынъ, скоро послѣ сего рожденный ею, составляли для ней вселенную всю.

Послѣдняго подержавъ она нѣсколько минутъ на рукахъ, лобзая и обливая слезами, вдругъ кладетъ въ колыбель

и уходитъ. . . . . Долгое молчанїе въ комнатѣ ея приводитъ въ смущенїе дядю. Входитъ туда, видитъ Фелицїю борющуюся уже съ смертью; видитъ на столѣ письмо. . . . Приносятъ къ ней младенца; . . . . Собирая остатки силъ объемлетъ его, отдаетъ дѣду и возведши взоры горе, испускаетъ духъ.

Бумага, о которой выше сказалъ я, была надписана къ старику: . . . . .
„ Имѣла я въ тебѣ отца, истиннаго
„ друга, тебѣ одному и пишу завѣщанїе
„ сїе: . . . . Будешь оное читать, ког-
„ да уже злосчастная твоя племянница
„ не страшится болѣе лютости и раз-
„ вращенїя человѣковъ, коимъ послужи-
„ ла жертвою. Варвары вовлекли меня
„ въ прогнѣванїе Всевышняго. . . . По
„ приключившемся мнѣ позорѣ, на что
„ мнѣ жизнь? Ждала я только разрѣ-
„ шиться отъ бремени моего и окон-
„ чить дни. . . . Приняла ядъ. . . . Боже
„ праведный! Всевѣдче! Предъ тобою
„ все наго; тебѣ единому извѣстна несно-
„ сность состоянїя моего: простишъ
„ ли мнѣ самоубїйство? Ты единый зна-
„ ешъ, раздирали ли душу мою раская-
„ нїя, ибо преступники токмо караются
„ ими; . . . . не превозмогла снѣдавша-
„ го меня сокрушенїя. . . . Могла ли
„ быть женою изверга, всего гнѣва тво-
„ его, омерзѣнїя рода человѣческаго
„ достойнаго? . . . . . По грѣхопаденїи

„ не моемъ, сказать могу, была хотя
„ безвинною, однако орудiе онаго. Съ
„ той минуты ненавистенъ сталъ мнѣ
„ свѣтъ, удерживалася поднять на себя
„ руки для носимаго токмо подъ серд-
„ цемъ моимъ. Для него прибѣгла я къ
„ законамъ. Онъ теперь съ пропитанi-
„ емъ, и я умереть должна. . . . . Снис-
„ хожу во гробъ: ибо хищничества го-
„ нителей туда не досязаютъ . . . .
„ Къ тебѣ обращаюсь, О почтенный сро-
„ дникъ! Тебѣ вручаю сына моего. . . . .
„ Ежели доживешъ до возраста его от-
„ роческаго, или и юношескаго, не-
„ знаю, надобно ли ему будетъ от-
„ крыть, или нѣтъ, отъ какихъ гнусныхъ
„ кровей онъ произшелъ? . . . . . Надоб-
„ но необходимо . . . . . Но чувствую,
„ что религiя мнѣ повелѣваетъ: (*)
„ пусть живетъ злодѣй сей; пусть тер-
„ зается угрызенiями совѣсти; пусть
„ обвиняетъ себя смертiю моею . . . .
„ Прости любезный дядя! несравненный
„ благотворитель мой! люби меня въ
„ сынѣ моемъ; воспоминай иногда благо-
„ словлявшую тебя по самое послѣднее
„ издыханiе. „ Не-

(*) Естьлибы Фелицiя прямо чувствовала, что повелѣваетъ религiя; то не учинила бы самоубiйства. Не былъ бы убiйцею и сынъ ея въ послѣдствiи, ежелибы духъ же Христiанской религiи оживлялъ его.

Несчастная предана землѣ; дѣдъ удаляется отъ мѣста сего плачевнаго въ ближнїй городъ; единое воспитанїе младенца дѣлаетъ ему надобною жизнь. Сынъ Фелицїи уже отрокъ, но таятъ отъ него его рожденїе. Монсерванъ, преслѣдуемый вездѣ тѣнїю погубленной имъ, прибылъ въ тотъ же самый городъ: ищетъ случаевъ увидѣть сына своего. Сей наконецъ вступаетъ въ лѣта, въ которыя наисильнѣе дѣйствуетъ надъ нами мщенїе. Нѣкто изъ знакомыхъ ему, имѣвшїй полную довѣренность отъ его дѣда, все предъ нимъ открываетъ. Нескромности сей еще было мало, кажетъ ему и письмо руки матери его . . . . . Молодой человѣкъ внѣ себя; кровь его волнуется, порываетъ къ разнымъ предпрїятїямъ насильственнымъ. . . . Упрашивается хранить тайну: . . . . „ Хранитъ оную? . . . . „ Мученїя прелютыя грудь мою терза- „ ютъ! „ Произнесши сїе бѣжитъ къ Монсервану, уединяется съ нимъ. . . . . . Устрашенїе, не разлучный есть спутникъ злыхъ дѣлъ . . . . . Злодѣй вострепетавъ простираетъ къ нему руки; голосомъ дрожащимъ именуетъ сыномъ: мертвая блѣдность на его лицѣ: . . . „ Такъ „ вздохнувъ глубоко произноситъ юноша, „ недавно ужасная тайна сїя „ извѣстна мнѣ стала; такъ, я сынъ „ тебѣ! но сынъ же и Фелицїи. „ (Вы-

нявъ письмо матернее, ему подаетъ)
,, Читай, ежели посмѣешъ; . . . . . Без-
,, человѣчный! ты пролилъ ядъ въ жилы
,, ея; ты вырвалъ ея душу! ты, про-
,, клятая страсть твоя, дали мнѣ рож-
,, деніе поносное: не жизнью должен-
,, ствую тебѣ, а горше нежели самимъ
,, адомъ . . . . . Ты плачешъ!,,

Монсерванъ обливаяся слезами, от-
вѣчаетъ: . . . . . . ,, Мало мнѣ укореній
,, таковыхъ. Я ея мучитель; я забылъ
,, честь и совѣсть; не преоборимая
,, страсть ослѣпила меня . . . . Но съ
,, того самаго мгновенія стражду без-
,, прерывно; даже во снѣ мечтается Фе-
,, лиція, устремляющаяся съ желѣзомъ въ
,, рукѣ на бѣднаго, который едва уже
,, дышетъ. . . . . Сынъ мой! Сжалься,
,, принудь себя сказать мнѣ хотя одно
,, утѣшительное слово . . . . . . Ты мер-
,, зишъ объятіями отческими. Видъ ли-
,, ца моего въ содраганіе тебя приво-
,, дитъ . . . . . . Что медлишъ, мсти
,, за Фелицію, мать твою, пронзи мнѣ
,, сердце, оно летитъ на удары твои;
,, избавь меня отъ меня самаго, прекра-
,, ти несносную мою жизнь! . . . . Боже
,, Великій! достойно и праведно не
,, остается злодѣй не наказаннымъ; не-
,, видимая рука Твоя меня караетъ. . . .
,, Сынъ мой! яви мнѣ одно только послу-
,, шаніе, исторгни духъ мой, прошу
,, тебя, заклинаю, дай мнѣ умереть
,, отъ твоей руки.,, Ска-

Сказавъ сїе выхватываетъ шпагу у сына, дабы вонзитъ ея себѣ въ грудь.... Юноша не допуская ему вѣщаетъ: .....
,, Нѣтъ, не мнѣ мститъ за погубленную
,, тобою; небесамъ то предоставляю....
,, Увы! природа одерживаетъ верьхъ,
,, чувствую, что сынъ твой! .....
,, Письмо это, ... начертанное пла-
,, менными буквами! .... Упадаю подъ
,, бременемъ золъ ..... Цѣпенѣю....
,, Мучитель! не я твою, а ты мою
,, исторгни душу.,,

По послѣднемъ изъ словъ сихъ, не сдерживаютъ его ноги, почти мертвъ уже: слезы только изъ глазъ катятся.

По долгомъ онѣмѣнїи съ обѣихъ сторонъ, послѣднїй говоритъ: ....
,, Одно остается намъ вѣчное разлуче-
,, нїе: удалюся я на край свѣта, удали-
,, ся и ты оному въ противоположный.,,

Оба оное исполняютъ, окончеваютъ жизнь несносными сами себѣ.

МУЖЪ ПРАВЕДНЫЙ и ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ.

Нѣкто, коего назовемъ Вальдѣолемъ, претерпѣлъ великїя уроны по торговому своему промыслу; надѣяся однако же помощїю трудолюбїя, дѣя-

тельности и поведенїя добраго, поправить состоянїе. Имѣлъ онъ душу чистую, слѣдовательно и вѣрилъ, что есть на свѣтѣ друзья, есть люди жалостливые. . . . . Подобная мечта не долго ослѣпляла его; увидѣлъ себя преданнымъ отъ всѣхъ неумолимостямъ своихъ заимодавцевъ.

Вальдьолъ ни чего не оставляетъ, какъ бы наискорѣе съ ними расплатиться; но одинъ, жестокосердѣе прочихъ, выпрашиваетъ отъ Судебнаго мѣста чиновника отвести его въ тюрьму: влечется туда; плачь многочисленнаго его семейства не умилостивляетъ присланнаго, который въ точности показуетъ собою говоримое о гражданскихъ законахъ, что долженствуютъ оные быть „*и глухи* и *слѣпы*„.

Жена Вальдьоля съ воздоеваемымъ ею младенцемъ на рукахъ, лишается нѣкотораго послѣдняго своего, стоющаго цѣны украшенїя: чиновникъ даетъ себя уговорить, что сыскная за несчастнымъ симъ написана была не по формѣ: оставляетъ его на нѣсколько дней.

Вальдьолъ съ семействомъ своимъ приходитъ предъ главнаго Судью надъ купечествомъ: отецъ, мать, трое малолѣтныхъ дѣтей, четвертый у матерьней груди, поверглися предъ нимъ, рыдаютъ, просятъ помилованїя. . . . Сей долго разсматривавъ дѣло ихъ въ молчанїи,

чанiи, произнесъ : . . . . ,, Никакъ нель-
,, зя избавить тюрьмы. ,,

Вальдьоль уже во оковахъ, жена и дѣти не отходятъ отъ него. Настаетъ часъ, въ которой высылаемы бываютъ посторонніе люди, выгоняютъ и ихъ..... Чрезъ нѣсколько минутъ видитъ узникъ входящаго къ нему надзирателя тюремнаго, слышитъ отъ него неожиданныя слова сiи : . . . . ,, Ты освобожденъ, иди ,, куда хочешъ. ,, ... Всякiя просьбы, чтобъ сказалъ ему, какимъ чудомъ дѣлается сiе, остаются напрасны : угрюмый сей человѣкъ только прибавилъ къ сказанному уже : . . . . ,, долгъ твой ,, заплаченъ. ,,

Мало помогаютъ Вальдьолю всѣ его усилiя, остановиться сколько нибудь на какой-либо догадкѣ о томъ. . . . . Но скупъ свѣтъ до крайности, проявлять подобныя чудотворенiя.

Тѣмъ же самымъ Судьею, коего строгое наблюденiе законовъ было ему толико бѣдственно, призывается. . . . Несчастнаго всякая не ожиданность поражаетъ.

Предстаетъ къ нему въ трепетѣ.... Взявъ онъ его за руку, посадилъ близъ себя, и говоритъ : . . . . ,, Навѣдывал-
,, ся я о тебѣ. Отъ всѣхъ слышалъ,
,, что ты человѣкъ доброй, попечитель-
,, ной домоначальникъ, жертва преврa-
,, тности счастiя ; что поведенiе твое

„ и безпорочно, и достохвально. . . . .
„ Раскажи мнѣ обстоятельно о тепе-
„ решнемъ положенїи твоемъ: какїя
„ имѣешъ способы поправиться, какъ ве-
„ лики и въ чемъ состоятъ уроны твои?
„ Но раскажи мнѣ въ точности самую
„ истинну „ . . . . . Ободренный столь милостивымъ прїемомъ описуетъ, наималѣйшихъ мѣлочей не забывая, все до него надлежащее; обѣщаетъ показать торговыя свои книги къ пущему удостовѣренїю: . . . . . „ Теперь видите,
„ Милостивый Государь! что безъ рав-
„ ной же помощи, какую оказала особа,
„ мнѣ неизвѣстная, нѣтъ путей къ мое-
„ му освобожденїю изъ-подъ стражи;
„ не могу не погибнуть отъ гоненїя
„ моихъ заимодавцевъ. Самъ Богъ даже
„ до того прогнѣванъ мною, что не
„ сподобляетъ меня и тою отрадою,
„ дабы узнать мнѣ столь рѣдкую ду-
„ шу: по крайней бы мѣрѣ следы его
„ омылъ слезами благодарности. „

Судья оказываетъ нѣкоторой родъ смятенїя, силится скрыть то отъ Вальдьоля--вѣщаетъ. . . . „ Обязавшїй те-
„ бя самому себѣ несравненно болѣе услу-
„ жилъ: сладостямъ благотворенїя бли-
„ жнему ни что не равняется. „

Вальдьоль устремляетъ взоры на Судью; сердце его воскипѣвъ не обычайно изливается: . . . „ Но не вы ли са-
„ ми! „ . . . . . Покатился потокъ слезъ

изъ

изъ глазъ перьваго, объемлетъ сидѣвшаго съ нимъ и открывается ему: . . . .
„ Не благодарность бы была отъ стороны моей таить отъ тебя долѣе то, „ чѣмъ паче я тебѣ, нежели ты мнѣ „ долженъ. Такъ, тебѣ долженствую „ небеснымъ утѣшенїемъ. . . . Исполнивъ званїе Судейское, съ радостїю „ исполнилъ же, что надлежало человѣку чувствительному. Облегчить не „ заслуженное страданїе не малаго семейства, есть рай души благорожденной. „

Вальдьолъ уже у ногъ рѣдкаго мужа, духъ въ немъ стѣснился, безсиленъ произнести ниже одно слово. Судья поднявъ его и посадивъ, продолжаетъ: . . . .
„ Можешъ, избыточно можешъ вознаградить мнѣ: позволивъ привести „ тебя въ первое состоянїе, чтобъ забылъ ты все претерпѣнное. „ . . . . Избытокъ благодарности лишилъ Вальдьоля употребленїя языка; указываетъ только на слезы свои, чѣмъ далѣе тѣмъ обильнѣе проливаемыя. Судья крѣпко прижимаетъ его къ груди, и самъ плача же говоритъ: . . . . „ Нѣтъ мѣры, сколько воздаянїе твое превосходитъ мою „ услугу. . . . . Пойди, прерви стонъ „ жены и дѣтей твоихъ. . . . „ Человѣкъ не причастный удовольствїя помогать другимъ; вотъ кто на свѣтѣ семъ несчастенъ совершенно.

СПАДАРА,
или
ПРИМѢРЪ
ЛЮБВИ МАТЕРЕНСКІЯ.

Страшное землетрясеніе, чрезъ продолженіе котораго поглощена была земными нѣдрами часть Силиціи, (и) преподало намъ уразительные примѣры. Объ одномъ изъ таковыхъ, даже напоминаніе раздираетъ внутренность: особливо же прекраснаго пола. Не можетъ, кажется, найтися человѣкъ въ свѣтѣ, котораго бы до слезъ оное не тронуло.

Егда Месина, великій городъ острова сего въ развалины превращался, Маркизъ

(и) Проклятое самство, врагъ добродѣтелей, врагъ состраданія ближнему, производитъ даже и такихъ чудовищъ между нами, коихъ стыдится человѣчество. Нѣкто изъ видываемыхъ глупыхъ шалберовъ, смѣшащихъ честныя бесѣды, удаляяся и отъ простаго здраваго смысла, вслушившись въ разговоръ о Сицилійскомъ землетрясеніи, сказалъ: „ немѣшаюся я въ чужія дѣла.„ Случился тутъ же человѣкъ благоразумной, произноситъ: . . . . „ Не уражаемый подобными ужасами заслужи„ ваетъ изгнаніе изъ общества добрыхъ людей.„

киз Спадара при первомъ почувствованіи подземнаго колебанія, упавшую въ обморокъ жену свою обхвативъ руками побѣжалъ съ нею изъ дома. Находитъ лодку на берегу моря; предпочитаетъ паче ввѣриться послѣднему, нежели стать жертвою всеобщія гибели согражданъ своихъ.... Маркиза приходитъ въ себя. Первыя слова изъ ея устъ: ..... „Гдѣ сынъ мой?„ .... Мужъ отвѣчаетъ: „Одну тебя только помогъ мнѣ „Богъ спасти; онъ же попечется и о „младенцѣ нашемъ .... Не матернее „имѣешъ ты сердце!„ (*) и въ то же мгновеніе стремится обратно въ городъ. Убѣжденія, заклинанія, слезы напрасны: .... „Спасу сына моего, или „по-

(*) Нѣкакая женщина возвращалась изъ острова Мартиники съ колыбельнымъ сыномъ своимъ; воставшею пресильною бурею потопляется корабль. Имѣла она при себѣ чернокожаго служителя; сей увидѣвъ, что всѣ уже гибнутъ, обхватываетъ обѣими руками госпожу свою съ младенцемъ ея, и бросается въ море. Долго борется съ волнами, наконецъ обезсиливаетъ; женщина то примѣтивъ говоритъ ему, вырвавшись у него изъ рукъ: спаси только сына моего, и становится уже болѣе ему не видна на поверхности воды.

,, погибну съ нимъ. ,, Маркизъ принужденъ былъ, повелѣть служителямъ держать ее. Притворившись она, что нечего уже ей дѣлать, не противится. . . . Но какъ лишь скоро выпустили ея изъ рукъ, помчалася и никто догнать уже ея не могъ.

Домъ еще не развалился совсѣмъ; входитъ въ него; достигаетъ колыбели младенческой; видитъ его спокойно спяща: и хотя вся природа тревожилась, онъ въ ея объятїяхъ; все забыто. Бѣжитъ съ нимъ изъ дома; уже на крыльцѣ; но вдругъ ступени онаго разбрасываются на разстоянїе не близкое; колыхается все зданїе. . . . . Съ безцѣннымъ залогомъ своимъ ищетъ комнаты, гдѣ бы безопаснѣе было. . . . . Разверзлася земля подъ домомъ, полилися пламенныя рѣки, одинъ балконъ только уцѣлѣваетъ еще; она уже на немъ, вопїетъ къ мимо-бѣгущимъ изъ города . . . . ,, Ради самаго Бога спасите младенца моего. ,, ... Никто не внемлетъ, всякъ о себѣ только мыслитъ . . . . . Въ подобномъ треволненїи естества разрываются цѣпи общежитїя, сродничества, дружбы и человѣчества! . . . . . Злосчастная мать, приложивъ уста свои къ устамъ рожденнаго ею, бросается съ нимъ въ средину пламени объявшаго уже мѣсто, гдѣ находился домъ.

НЕ-

НЕОБХОДИМОСТИ
быть любиму.

Нѣкоего почтеннаго мужа постигаетъ совершенный упадокъ прежняго его избыточнаго состоянія. Друзья и знакомые, какъ обычайно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оставили его. Къ умноженію бѣдствія имѣлъ онъ самое чувствительное сердце.

Скрывшись отъ всѣхъ уединенствуетъ; питается милостынею, прося оную въ предвратіи нѣкоторой церкви. Прихода сего Священникъ примѣтилъ его. Ни какъ не ожиданно входитъ въ шалашъ, устроенный несчастнымъ для защищенія себя, по крайней мѣрѣ отъ воздушныхъ суровостей. На вопросъ Священника, не уже ли одинъ только живетъ онъ, отвѣчаетъ: . . . . „Но съ кѣмъ же инымъ? я нищъ, пи„таюся мірскимъ подаяніемъ, презрѣнъ „отъ цѣлаго свѣта„ . . . . Ты несча„стенъ, сіе одно дѣлаетъ тебя почтен„нымъ въ глазахъ моихъ; но прости „мнѣ, хочу узнать, для чего же соби„раешь больше хлѣба, нежели надобно „къ насыщенію одного человѣка? „. . . . Смутился отшельникъ; пришедшій же къ нему продолжаетъ: . . . . „Не утае„вай ни чего и вѣрь, что съ радостію „помогать тебѣ буду. . . . . „ У меня

есть собака. ,, ... По не многихъ сихъ словахъ зарыдалъ. . . . Смягченный до слезъ духовный человѣкъ, вынимаетъ кошелекъ съ деньгами и даетъ ему: . . . . ,, Не оскорби меня, возми, эти деньги не церковныя, а собственныя мои.

МОНАСТЫРЬ, СЛЫВУЩЇЙ ДВУХЪ ВЗАИМНО ЛЮБИВШИХСЯ.

По берегу протока изъ Германскаго моря во Окиянъ Атлантическїй, есть монашеское общежитїе подъ симъ названїемъ. . . . Причина тому слѣдующая:

Весьма зажиточнаго Дворянина дочь, именемъ Геневїева, любила страстно въ сосѣдствѣ живщаго Балдуина, благороднаго же человѣка, но недостаточнаго, и взаимно отъ него была любима. Последнїй скрывалъ оное предъ всѣми; великая разность состоянїй между отцемъ ея и его, отъимала надежды къ полученїю ее въ супружество.

Но страсть любовная умѣетъ ли утаиться на долго? Началъ подозрѣваться отцемъ дѣвицы, а единожды и нашелъ онъ ихъ обѣихъ уединившимися:

пер-

первое его движенїе было, пожертвовать мщенїю своему жизнїю молодаго человѣка. . . . . Ген.вїева объемлетъ отческїя колѣна, омочаетъ слезами, проситъ помилованїя любовнику, угрожаетъ на себя поднять руки въ противномъ случаѣ. . . . Старикъ въ бѣшенствѣ указуетъ перстомъ Балдуину на не далекїй пригорокъ, и произноситъ: . . . . „Когда ты посмѣлъ возвести взоры твои на дочь мою; изрядно, соглашаюсь за тебя отдать: но „ со условїемъ тѣмъ только, чтобъ ты „ ниже на мгновенїе не остановляяся донесъ ея на вершину сего холма. . . . „ Инако же не льстися имѣть твоею „ никогда. „ . . . Любовникъ кидается съ распростертыми руками, подъемлетъ свою любовницу, бѣжитъ на повелѣваемое ему мѣсто. . . . Предстоявшїе слышатъ только сїи повторяемыя имъ слова: . . . . „ Ты будешь моя! Всеконечно моя будешъ „

Великое число людей, принадлежавшихъ старику, стеклися видѣть столь нелѣпое зрѣлище.

Балдуинъ уже у подножїя пригорка; Геневїева, къ сердцу его прижатое ея сердце, чувствуетъ бїющимся крѣпко. Говоритъ ему: . . . . „ Другъ нѣжнѣйшїй! не донести тебѣ меня, силъ „ твоихъ не достанетъ . . . . . Не знаешъ

„ силы

,, силы любви, до самыхъ небесъ я до-
,, стигну.,,

Зрители до единаго возсылаютъ обѣ-
ты объ успѣхѣ его; повременно раздаются рукоплесканія къ поощренію юноши; однако же сей ослабѣваетъ подъ безцѣннымъ для него бременемъ.....
,, Дражайшая! давай мнѣ слышать го-
,, лосъ твой восхитительный! не своди
,, глазъ твоихъ съ моихъ глазъ, пре-
,, взойду человѣчество, силы мои обно-
,, вятся!,,

Но члены его дрожатъ отъ усталости; Геневїева въ отчаянїи возопила: ,, О какая крутизна холма!....
,, Скоро, весьма скоро буду я съ тобой
,, на немъ.,, Касается онъ желанной высоты, и падаетъ на землю безчувственъ.

Раздаются всеобщїя похвалы восторжествовавшему; не внемлются слова дѣвицы, повергшейся на грудь Балдуина...
,, Супругъ мой!,, ... Послѣднїй не отвѣчаетъ; глаза его сомкнуты, дыханїе пресѣклось .... ,, Боже! произноситъ Геневїева, онъ мертвъ!,,

Сѣтованїе изобразилось на всѣхъ лицахъ; всѣхъ взоры устремлены на вершину холма.

Дѣвица, обливая слезами тѣло Балдуина, лобзанїями своими усиливается оживить его .... Разверзлось единое око, послѣднїя собирая силы сказать

зать могъ только сїе, голосомъ едва слышнымъ: . . . . . „Умираю, Геневї-„ева! но чтобъ снизшелъ я во гробъ „съ именемъ мужа твоего, коликое бы „утѣшенїе еще восчувствовалъ! . . . . „Воспрїими послѣднїй мой вздохъ! . . . .„ Геневїева только могла воскликнуть: . . . . „Все совершилось!„ и въ то же мгновенїе обнявъ бездыханнаго, лишается и сама жизни.

Отецъ ея поздно уже раскаевается . . . . . Оба тѣла по его велѣнїю положены въ одинъ гробъ; предаются землѣ; воздвигнута на томъ мѣстѣ часовня, размножены со временемъ около оныя зданїя; составился малый монастырь и нареченъ обителью — „*двухъ взаимно влюбленныхъ*,„ какъ и слыветъ даже до сего дни.

КОНЕЦЪ АПРѢЛЬСКОЙ.

